

АМЕДЕ АШАР

В ОГОНЬ И В
ВОДУ

Приключения графа де Монтестрюка

Амеде Ашар

В огонь и в воду

«Public Domain»

1875

Ашар А.

В огонь и в воду / А. Ашар — «Public Domain»,
1875 — (Приключения графа де Монтестрюка)

«Граф Геден-Поль-де Монтестрюк, известный также под именем графа де-Шаржполя, считался, около 164... года, одним из богатейших и счастливейших дворян южной Франции. У него были обширные владения и хотя дворянство его не восходило до первых времен монархии и его предки не попали в число рыцарей-завоевателей Палестины, но он был в родстве с знатнейшими фамилиями королевства, которое только что было вверено Провидением рукам еще неопытного Людовика XIV. Этим завидным положением фамилия де Монтестрюк, стоявшая в уровень с первыми домами в Арманьяке, одолжена была странным обстоятельством, ознаменовавшим начало её известности, и особенному благоволению короля Генриха IV, славной памяти...» Книга также выходила под названием «Плащ и шпага».

Содержание

I. Игорный дом в осеннюю ночь	5
II	11
III	17
IV	24
V	29
VI	35
VII	42
VIII	48
IX	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Амедей Ашар

В огонь и в воду

І. Игорный дом в осеннюю ночь

Граф Гедеон-Поль-де Монтестрюк, известный также под именем графа де-Шаржполя, считался, около 164... года, одним из богатейших и счастливейших дворян южной Франции. У него были обширные владения и хотя дворянство его не восходило до первых времен монархии и его предки не попали в число рыцарей-завоевателей Палестины, но он был в родстве с знатнейшими фамилиями королевства, которое только что было вверено Провидением рукам еще неопытного Людовика XIV.

Этим завидным положением фамилия де Монтестрюк, стоявшая в уровень с первыми домами в Арманьяке, одолжена была странным обстоятельством, ознаменовавшим начало её известности, и особенно благоволению короля Генриха IV, славной памяти.

Граф Гедеон, которого соседи звали так в отличие от его отца, графа Ильи, сына того героя, которому дом их был обязан своим величием, нашел богатство у себя в колыбели и не очень-то стеснялся мотать его. Своей пышностью он удивлял даже придворных, приезжавших по делам или для удовольствия в Лангедок. – К несчастью, богатство это досталось ему рано вместе с такими привычками и таким горячим темпераментом, которые не знали ни усталости, ни пресыщения. Его жизнь можно бы сравнить с безумной скачкой молодого коня, вырвавшегося на волю во время грозы: ни узды, ни правил.

После причудливой и расточительной жизни, граф Гедеон овдовел бездетным и в сорок лет опять женился, чтоб продлить род Монтестрюков; но, не жалея ни молодости, ни красоты своей жены, которая готова была посвятить себя его счастью, он принялся за прежнюю жизнь, как только она дала ему сына, окрещенного под именем Гуго-Павла.

В молодости граф Гедеон бывал в Париже и в Сен-Жерменском дворце; он держал сторону короля в смутах Франции, сломал не одну шпагу в стычках с испанцами и громко кричал в схватках: «Бей! руби!» – старинный клик и девиз своего дома. Возвратясь в свой замок, в окрестностях Жеро, он убивал время на всякие безрассудства: на охоту, дуэли, маскарады и пиры, нимало не заботясь о графине, которая тоскливо поджидала его за стенами и башнями замка Монтестрюк. Дворяне, с которыми он рубился, или козырял в карты, любили его за ум и веселость, а мелкий люд обожал за щедрость. Если случайно он и потреплет, бывало, мимоходом кого-нибудь из крестьян, никто на него не сердился; так мило и любезно бросал он золотой в шапку бедняги.

Граф Гедеон, статный, щедрый, сильно любимый окрестными красавицами, имел также, подобно благодетелю его рода, королю Генриху, солидную репутацию храбрости в стране, где все храбры. Каким только опасностям не подвергал он жизнь свою; из каких только бед не выпутывался он со шпагой наголо!

В то время, как начинается наша история, стали уже носиться слухи, что состояние графа де Монтестрюка идет быстро к упадку. Не было уж ни блистательных праздников в его замке, ни сумасшедших поездок в Тулузу и Бордо, где все привыкли видеть его с огромной свитой слуг и лошадей; ни шумных охот с соседями, герцогами де-Роклор, большими буянами и отчаянными кутилами. Видны были иногда и жиды по дороге к родовому замку; выходили они оттуда, потирая руки, с радостным лицом. «Жид смеется, а крещеный плачет,» говорит пословица.

Веселость графа Гедеона стала пропадать; случалось заставать его в задумчивости. Граф Гедеон скучает! Это приводило всех в изумление. Такое чудо только и можно было объяснить себе одним разорением. Но как же мог он разориться, он – владелец стольких лесов, виноград-

ников, лугов, ферм, прудов? Старики, сидевшие по своим наследственным поместьям, только качали головой и, жалея о жене, говорили: да ведь он играл!

В самом деле, граф Гедеон играл сильно. И при всяком случае он всё ещё продолжал играть.

Около этого времени, когда дурные слухи более и более распространялись по провинции, из замков в хижины, граф Гедеон, верхом на любимом коне, выехал раз ночью из замка Монтестрюк.

Небо было весь день мрачно. К вечеру поднялся сильный ветер и разорвал густые тучи; между ними засветились звезды, то угасая, то опять показываясь. В дремучем лесу стонала буря; все покрыто было густой темнотой, которую вдруг прорезывал то там, то сям бледный луч тонкого, как стальной клинок, месяца, несшегося, казалось, в тучах каким то безумным бегом. Собаки выли в поле и своим воем еще усиливали тоскливое настроение всей природы.

Граф Гедеон, подъехавши к наружным воротам замка, кликнул часового, который стоял, скрестив руки на старинной пищади, и велел опустить мост. Зеленая вода стояла неподвижно во рву, в тени высоких стен. На досках моста раздался стук от копыт коня, который нетерпеливо прыгал и грыз удила: потом цепи опять завизжали в пазах и граф Гедеон очутился за рвом.

За ним молчаливо ехали рядом два всадника. Концы их длинных рапир стучали о железные стремена. Они, как и сам граф, были закутаны в длинные плащи, а на головах у них были широкие серые шляпы, времен покойного короля Людовика XIII. Как только граф Гедеон проехал сырой откос, отделявший ров от торной дороги, он смело пустился в галоп и оба спутника за ним. Ничего не видно было между обрывами дороги, по которым сплошь рос густой кустарник, и испуганные лошади только фыркали. Скоро они прискакали к долине, которая открывалась, как блюдо, в конце дороги; тут стало немного светлее. Низкие, покрытые соломой домики, показались смутно между деревьями. Тишину нарушал только шум ветра в листьях. Даже собаки совсем замолкли.

При начале дороги, тянувшейся желтою лентой в темную долину, граф удержал свою лошадь и обернулся на седле. На полупрозрачном небе смутно рисовались стены, куртины и башни Монтестрюка. На одном углу замка ему показался свет, будто звезда на невидимой нитке.

– Посмотри, Франц... Что это такое? – сказал он одному из всадников, которые тоже остановились за ним неподвижно.

Франц посмотрел и отвечал с лотарингским акцентом.

– Это месяц отражается на стекле.

– Да, в окне у графини. Когда я уезжал, она сидела еще со своими женщинами!..

Граф вздохнул. Еще раз он окинул замок долгим взглядом и, дав шпоры коню, пустил его во весь карьер, как человек, который не хочет дать себе время подумать.

Франц и его товарищ поскакали за ним, и при повороте дороги и замок, и окно исчезли за пригорком.

Все трое скакали, как призраки, по пустынной дороге, молчаливо склоняясь на шеи лошадей, которые метали брызги жидкой грязи из-под копыт. Когда ветер врывался под складки их плащей и раскрывал их, в кобурах седел виднелись ручки тяжелых пистолетов, а на кожаных полукафтанных, стянутых ремнем, блестела рукоятка кинжала. У всех троих на луке седла было по кожаной сумке с полными карманами по обе стороны. Осенний ветер нес им в лицо сухие листья, пугавшие лошадей.

Когда они подъезжали к дороге, пролегающей между Ошем и Ажаном, на горизонте вдруг показался яркий свет и покрыл красным заревом широкую полосу неба. Темнота на большой равнине стала еще гуще. Освещенные этим заревом в своих глухих берегах, грязные воды Жера совершенно покраснели. Граф де Монтестрюк невольно потянул повод своей лошади, и она на минуту замедлила свой бешеный галоп.

– Дом горит, – сказал он, – а, может быть, и целая деревня; опять несчастье, как при прежних войнах!

Товарищ, скакавший рядом с Францем, покачал головой и сказал с сильным итальянским акцентом:

– Совсем не несчастье, а преступление!

– А! а почему ты думаешь, что этот пожар...

– От поджога? А разве барон де Саккаро не приехал сюда дня четыре или пять тому? Это он забавляется!..

– А! барон де Саккаро! мошенник в шкуре незаконнорожденного! – вскричал граф Геден с гневом и презрением. – Про него говорят, что он родился от комедиантки, как ублодок от волчицы, и хвастает, что у него отец – испанский гранд, от которого ему досталось и все состояние!.. А я думал, что он все еще по-ту-сторону Пиренеев.

– Нет... Он уехал из своей горной башни. В Испании он – граф Фрескос, но делается французским бароном каждый раз, как у него случается разлад с судами его католического величества, и скрывается в своем поместье на границах Арманьяка, точно кабан в своем логовище, когда за ним гонятся собаки.

– Там ли он, или здесь – все равно: и был он разбойником, и всегда им будет! Что за славная вещь граница для такого народа! А шайка его с ним, без сомненья?

– Разумеется! Барон никогда не ездил один. Когда старый волк идет в поле, волчата воют вслед за ним. Человек пятнадцать или двадцать негодяев едут за ним следом на добычу.

– У меня есть старый счёт с этим бандитом... а всякий счёт требует и расчёта.

– Особенно, когда граф де Монтестрюк его предъявляет к уплате.

– Именно так, мой старый Джузеппе, и мне сдаётся, что когда-нибудь он попадет ко мне в лапы; не поздоровится ему в тот день!

– Чёрт и возьмет его душу! – проворчал Франц.

В эту минуту громадный сноп искр поднялся к небу и исчез.

– Конец празднику, – сказал Джузеппе.

– Предчувствие говорит мне, что я ему задам другой когда-нибудь, – проворчал граф.

Он отпустил повод коню, которые рванул вперед, и три всадника поскакали опять к Лектуру.

Через час, на вершине замка, окруженного поясом укреплений, граф Геден и его спутники увидели острую вершину крепкой колокольни. Они подогнули лошадей, у которых шеи уже начинали белеть от пены, подъехали, не переводя духу, к подошве холма, на вершине которого стояла куча старых домов, и поднялись по длинной покатости, прорезывавшей бока его. Троица всадникам, очевидно, были знакомы все извилины и повороты дороги.

Скоро и почти не уменьшая галопа, они достигли узких ворот, сделанных в толстой стене широкой и не высокой башни. Толстые ворота в два раствора, из дубовых досок, покрытых железом, висели на массивных петлях. Граф стукнул своим кулаком в перчатке по доскам и кликнул сторожа, тяжелые шаги которого скоро раздались под сводом. Он назвал себя; ключ повернулся в массивном замке, брусья упали с глухим стуком и ворота открылись. Граф бросил золотой в шерстяную шапку сторожа, полу-солдата, полу-привратника, поднявшего им решетку, и проехал дальше.

За стеной он въехал на дозорный путь, шедший вокруг вала, и почти тотчас же стал взбираться по одной из узких, темных и крутых улиц, которые извились по городу и могли дать довольно верное понятие о том, в каком презрении держало начальство Лектура свои пути сообщения: ни одного фонаря, а рытвины на каждом шагу. Почти в конце этой крутой улицы, граф Геден въехал под глубокий свод, сделанный в толстой серой стене, настолько широкий и высокий, что под ним легко было проехать человеку верхом. Тут он сошел с коня.

Если на улице все было темно и молчаливо, то на широком дворе, куда он въехал, все было светло и шумно. Широкие полосы света падали от окон, а за стеклами, в свинцовых переплетах, раздавался смех с веселыми песнями и звоном стаканов.

Граф де Монтестрюк взял кожаные мешки, которые все три всадника держали перед собой в руках, и стал подниматься по винтовой лестнице с остроконечными окнами, пристроенной к одному из фасадов на внутренней стене здания. Видно было, как его ловкая и сильная фигура проходила перед этими освещенными окнами, и он легко всходил по каменным ступеням, как будто ничего и не нес на плечах.

Франц проворно отвел лошадей в сарай, тянувшийся вдоль одной из четырех сторон двора, и щедрой рукой насыпал в колоду овса из стоявшей рядом бочки. Он рад был дать коням эту заслуженную порцию, разнуздавши их и отпустив подпруги, чтоб они могли хорошенько отдохнуть. Джузеппе внимательно смотрел за своим господином, уже поднявшимся на первый этаж. В ту минуту, как он заносил ногу на последнюю ступеньку, он поскользнулся, и один из мешков упал на камни, издавши металлический звук.

– Скверная примета! – проворчал Джузеппе, покачав головой. Но граф уже оправился и вошел в большую комнату, где его встретили радостными криками.

– Наконец-то! вот и он!.. Граф де Монтестрюк!.. за здоровье графа!

Тридцать стаканов наполнились до края и разом осушились.

Граф выпил и свой стакан и вылил на паркет последнюю каплю красного вина.

– Чорт возьми! хоть ты приехал и поздно, но за то не с пустыми руками! – сказал один из пирующих, погладив рукой туго набитые мешки.

Граф засмеялся, положил их один за другим на стол, который затрещал под ними, и сказал:

– Тут шесть тысяч пистолей, разделенных на шесть равных частей. Я поклялся, что или удесятерю их, или ни одного не привезу назад, и сдержу слово!

– Славная партия! – сказал один игрок, устремив горящие как уголь глаза на мешки с золотом.

Джузеппе уселся на соломе, рядом со своим товарищем; но прежде чем закрыть глаза, он еще раз посмотрел на красные окна, сверкавшие прямо перед ним. Сова пролетела мимо стекол и задела их крылом. Опять итальянец покачал головой.

– А сегодня еще, пятница! сказал он...

Он прилачился получше на соломенном изголовье и, завернувшись в плащ, заснул, положив руку на рукоятку своего кинжала. Франц уже положил между собой и им пистолеты, как человек, который любит предосторожность.

Общество, к которому присоединился граф Гедеон, состояло из двадцати самых отчаянных игроков Арманьяка и из дюжины молоденьких и хорошеньких женщин, которые отлично наживались от обломков наследственных состояний. Они смеялись, показывая свои белые зубки. Одна из самых прелестных, блондинка, с черными глазами, подбежала к столу и, срывая с него скатерть, крикнула серебристым голосом.

– Битва начинается!

И, вынув из кармана колоду карт, она бросила её на блестящий полированный стол.

Другая, с ротиком похожим на гранатовый цветок и с мантильей на плечах, положила рядом с картами кожаный стаканчик, из которого высыпались шесть белых игральные кости.

– А вот вам, господа, для перемены удовольствия, – сказала она, стреляя глазками во все стороны.

Все общество, проходимцы и дворяне, некоторые совсем еще молодые, а другие уж с сединой, уселось вокруг стола. Когда к ним подходил граф Гедеон, одна из красавиц повисла у него на руке и сказала заискивающим голосом:

– Если вы выиграете, а счастье всегда в ладу с доброй славой, вы уделите мне из выигрыша на атласное платье? Ваша милость не останется в убытке.

Другая, еще более развязная, омочила свои розовые губки в стакане и, подавая его графу, сказала ему на ухо:

– Выпейте это вино, которое искрится, как любовь в моих глазах; это принесет вам счастье, а если вы через меня выиграете, то ведь будет же мне жемчужное ожерелье с рубинами? Жемчуг за мои зубы, а рубины – за мои губки.

Все прочие дамы тоже вертелись около него, и каждая, в свою очередь, также что-нибудь у него выпрашивала; а он обещал все, чего они хотели. Присев к игрокам, он одной рукой оперся на стол, а другою открыл один из мешков, положил горсть золота на карту и вскричал:

– Сто пистолей для начала на пиковую даму!.. Пиковая дама брюнетка, как и ты, моя милая, и если она выйдет, то и на твою долю достанется!

Граф стал метать карты; дама пик проиграла.

– Червонная дама блондинка, как ты, моя прелесть, сказал он весело, обратившись к другой соседке: двести пистолей на ламу червей, и если она выиграет, я высыплю их тебе в ручку.

Опять стали метать карты, и червонная дама тоже не выиграла...

– Не отставай! – сказала брюнетка.

– Продолжай! – сказала блондинка.

Игра пошла живо и скоро. Когда граф де Монтестрюк выигрывал, хорошенькие розовые пальчики протягивались к кучке золота, которую он подвигал к себе, и брали себе, сколько хотели. Когда он проигрывал, ножка дам сердито стучала по полу.

Через час из первого мешка не осталось ничего. Граф бросил его далеко за себя.

– Продолжай! – сказала блондинка.

– Не отставай! – сказала брюнетка.

Но графа Гедеона и не нужно было подзадоривать. В жилах у него был огонь, а в глазах сверкало золото.

– На четыре удара весь мешок, – крикнул он: – и по пятисот пистолей удар! Но теперь – в кости.

Он схватил дрожащей рукой один из стаканов и тряхнул им. Молодой человек большего роста с рыжими усами и ястребиными глазами взял другой стакан и тоже тряхнул.

– Согласен на пятьсот пистолей, – сказал он; – если я и проиграю, то отдам вам назад только то, что у вас же выиграл.

Кости упали на стол. Все головы наклонились вперед, дамы приподнялись на носки, чтоб лучше видеть.

– Четырнадцать! – крикнул граф Гедеон.

– Пятнадцать! – отвечал человек с рыжими усами.

В четыре удара граф проиграл второй мешок. Он бросил его на другой конец залы.

– У меня есть еще третий, – воскликнул он и, развязав его, высыпал золото перед собой.

– Последний-то и есть самый лучший! – сказала красавица с черными волосами.

– На два удара последний! – сказала блондинка. Граф сунул руки в кучку и разделил ее пополам.

– Кому угодно? – спросил он.

– Мне! – сказал капитан с рубцом на лице... – Тысяча пистолей! да этого не заработаешь и в двадцать лет на войне.

– Так марш вперед! – крикнул граф Гедеон и подвинул вперед одну из кучек.

Настало мертвое молчание. Кости покатались между двумя игроками. Две женщины, поместившиеся с обеих боков у графа Гедеона, опершись рукою на его плечо, смотрели через его голову.

– Семь! – сказал он глухим голосом, сосчитав очки.

– Посмотрим! кто знает? – сказала брюнетка.

Капитан в свою очередь бросил кости.

– Семь! – крикнул он.

– Счастье возвращается! – сказала блондинка. – Поскорей бросай, чтоб оно не остыло.

Граф бросил.

– Шестнадцать! – крикнул он весело.

– Семнадцать! – отвечал капитан.

Граф де Монтестрюк немного побледнел: первая кучка уже исчезла, но он тотчас же оправился и, подвигая вперед другую, сказал:

– Теперь идет арьергард!

Это был его последний батальон; у всех захватило дыханье. Оба противника стояли друг против друга; разом опрокинули они свои стаканы, и разом их сняли...

У графа было девять; у капитана десять.

– Я проиграл, – сказал граф.

Он взял мешок за угол, встряхнул его и бросил на пол. Потом поклонился всей компании, не снимая шляпы, и твердым шагом вышел из комнаты.

II

Ночное свидание

Если бы граф Гедеон, уезжая из Монтестрюка, вместо того чтоб ехать в Лектур, поехал по дороге, которая огибала замок, он бы заметил, что свет от месяца, как уверял Франц, на стекле в комнате графини, не исчезал и даже не слабел, когда месяц скрывался за тучей. Этот огонь дрожал на окне башни, стена которой была выведена на отвесной скале; внизу этой башни не заметно было никакого отверстия. В этой стороне замка, слывшей неприступною, никто даже и не подумал вырыть ров.

В то время как граф пускал своего коня в галоп по дороге в Лектур, если бы стоял часовой на вышке, прилепленной, будто каменное гнездо, к одному из углов башни, он бы непременно заметил неясную фигуру человека, вышедшего из чащи деревьев, шагах во сто от замка, и пробиравшегося потихоньку к башне, по скатам и по кустарникам.

Подойдя к подошве скалы, над которой высилась башня с огоньком на верху, незнакомец вынул из кармана свисток и взял три жалобные и тихие ноты, раздавшиеся в ночной тишине, подобно крику птицы. В ту же минуту свет исчез, и скоро к самой подошве скалы спустился конец длинной шелковой веревки с узлами, брошенный вниз женскою рукою. Незнакомец схватил его и стал подниматься на руках и на ногах вверх по скале и по каменной стене. Сильные порывы ветра качали его в пустом пространстве, но он все лез выше и выше, с помощью сильной воли и упругих мускулов.

В несколько минут он добрался до окна; две руки обхватили его со всей силой страсти, и он очутился в комнате графини, у ног её. Она вся дрожала и упала в кресло. Руки её, минуту назад такие крепкие, а теперь бессильные, сжимали голову молодого человека; он схватил их и покрывал поцелуями.

– Ах! как вы рискуете! – прошептала она... – Под ногами – пропасть, кругом – пустота; когда-нибудь быть беде, а я не переживу вас!

– Чего мне бояться, когда вы ждете меня, когда я люблю вас! – вскричал он в порыве любви, которая верит чудесам и может сама их делать. – Разве я не знаю, что вы там? разве не к вам ведет меня эта шелковая веревка, по которой я взбираюсь? Мне тогда чудится, что я возношусь к небесам, что у меня крылья... Ах! Луиза, как я люблю вас!

Луиза обняла шею молодого человека и, склонясь к нему в упоении, смотрела на него. Грудь её поднималась, слезы показались на глазах.

– А я, разве я не люблю вас?... Ах! для вас я все забыла, все, даже то, что мне дороже жизни! и однако ж, даже при вас, я все боюсь, что когда-нибудь меня постигнет наказание...

Она вздрогнула. Молодой человек сел рядом с нею и привлек ее к себе. Она склонилась, как тростник, и опустила голову к нему на плечо.

– Я видела грустный сон, друг мой; вы только-что ушли от меня, и черные предчувствия преследовали меня целый день... Ах! зачем вы сюда приехали? зачем я вас здесь встретила? Я не рождена для зла, я не из тех, кто может легко притворяться... Пока я вас не узнала, я жила в одиночестве, я не была счастлива, я была покинута, но я не страдала...

– Луиза, ты плачешь... а я готов отдать за тебя всю кровь свою!..

Она страстно прижала его к сердцу и продолжала:

– И однако ж, милый, обожаемый друг, я ни о чем не жалею... Что значат мои слезы, если через меня ты узнал счастье! Да! бывают часы, после которых все остальное ничего не значит. Моя ли вина, что с первого же дня, как я тебя увидела, я полюбила тебя?... Я пошла к тебе, как будто невидимая рука вела меня и, отдавшись тебе, я как будто исполняла волю судьбы.

Вдруг раздался крик филина, летавшего вокруг замка. Графиня вздрогнула и, бледная, посмотрела кругом.

– Ах! этот зловещий крик!.. Быть беде в эту ночь.

– Беде! оттого, что ночная птица кричит, отыскивая себе добычи?

– Сегодня мне всюду чудятся дурные предзнаменования. Вот сегодня утром, выходя из церкви, я наткнулась на гроб, который несли туда... А вечером, когда я возвращалась в замок, у меня лопнул шнурок на четках и черные и белые косточки все рассыпались. Беда грозит мне со всех сторон!

– Что за мрачные мысли! Они приходят вам просто от вашей замкнутой, монастырской жизни в этих старых стенах. В ваши лета и при вашей красоте, эта жизнь вас истощает, делает вас больною. Вам нужен воздух Двора, воздух Парижа и Сен-Жермена, воздух праздников, на которых расцветает молодость. Вот где ваше место!

– С вами, не так-ли?

– А почему же нет? Хотите верить мне свою судьбу? Я сделаю вас счастливою. Рука и шпага – ваши, сердце – тоже. Имя Колиньи довольно знатное: ему всюду будет блестящее и завидное место. Куда бы ни пошел я, всюду меня примут, в Испании и в Италии, а Европе грозит столько войн теперь, что дворянин хорошего рода легко может составить себе состояние, особенно когда он уже показать себя и когда его зовут графом Жаком де Колиньи.

Луиза грустно покачала головой и сказала:

– А мой сын?

– Я приму его, как своего собственного.

– Вы добры и великодушны, – сказала она, пожимая руку Колиньи, – но меня приковал здесь долг, а я не изменю ему, что бы ни случилось. Чем сильнее вопиет моя совесть, тем больше я должна посвятить себя своему ребенку! А кто знает! быть может, когда-нибудь я одна у него и останусь. И притом, если б меня и не держало в стенах этого замка самое сильное, самое святое чувство матери, никогда я не решусь – знайте это – взвалить на вашу молодость такое тяжелое бремя! Женщина, которая не будет носить вашего имени, к которой ваша честность прикует вас железными узами, которая всегда и повсюду будет для вас помехой и стеснением!.. нет, никогда! ни за что!.. Одна мысль, что когда-нибудь я увижу на вашем лице хоть самую легкую тень сожаления, заставляет меня дрожать... Ах, лучше тысячу мук, чем это страдание! Даже разлуку, неизвестность легче перенести, чем такое горе!..

Вдруг она приостановилась.

– Что я говорю о разлуке!.. Ах, несчастная! разве ваш отъезд и так не близок? разве это не скоро?... завтра, быть может?

Луиза страшно побледнела и вперила беспокойный взор в глаза графа де Колиньи.

– Да говорите же, умоляю вас! – сказала она; да, я теперь помню... Ведь вы мне говорили, что вас скоро призовут опять ко Двору, что король возвращает вам свое благоволение, что друзья убеждают вас поскорей приехать, и что даже было приказание...

Она не в силах была продолжать; у ней во рту пересохло, она не могла выговорить ни слова.

– Луиза, ради Бога...

– Нет, – сказала она с усилием, – я хочу все знать... ваше молчание мне больней, чем правда... чего мне надо бояться, скажите... Это приказание, которое грозило мне... Правда ли? оно пришло?

– Да; я получил его вчера, и вчера у меня не хватило духу сказать вам об этом.

– Значит, вы уедете?

– Я ношу шпагу: мой долг повиноваться...

– Когда же? – спросила она в раздумье.

– Ах! вы слишком рано об этом узнаете!

– Когда? – повторила она с усилием.

Он все еще молчал.

– Завтра, может быть?

– Да, завтра...

Луиза вскричала. Он схватил ее на руки.

– А! вот он, страшный час, – прошептал он.

– Да, страшный для меня! – сказала она, открыв лицо, облитое слезами... – Там вы забудете меня... Война, удовольствия, интриги... займут у вас все время... и кто знает? скоро, может быть, новая любовь...

– Ах! можете ли вы это думать?...

– И чем же я буду для вас, если не воспоминанием, сначала, быть может, живым, потому что вы меня любите, потом – отдаленным и, наконец, оно неизбежно совсем исчезнет? Не говорите – нет! Разве вы знаете, что когда-нибудь возвратитесь сюда? Как далеко от Парижа наша провинция и как счастливы те, кто живет подле Компьеня или Фонтенбло! Они могут видеться с тем, кого любят... Простая хижина там, в лесу была бы мне милее, чем этот большой замок, в котором я задыхаюсь.

Рыдания душили графиню. Колиньи упал к ногам её.

– Что же прикажете мне делать?... Я принадлежу вам... прикажите... остаться мне?..

– Вы сделали бы это для меня, скажите?

– Да, клянусь вам.

Графиня страстно поцеловала его в лоб.

– Если б ты знал, как я обожаю тебя! сказала она. Потом, отстраняя его:

– Нет! ваша честь – дороже спокойствия моей жизни... уезжайте... но, прошу вас, не завтра... О! нет, не завтра!.. еще один день... я не думала, что страшная истина так близка... она разбила мне сердце... Дайте мне один день, чтоб я могла привыкнуть к мысли расстаться с вами... дайте мне время осушить свои слезы.

И, силясь улыбнуться, она прибавила:

– Я не хочу, чтоб вы во сне видели меня такую дурною, как теперь!

И опять раздалась рыдания.

– Ах! как тяжела бывает иногда жизнь... Один день еще, один только день!

– Хочешь, я останусь?

Луиза печально покачала головой.

– Нет, нет! сказала она, это невозможно! Завтра я буду храбрее.

– Что ты захочешь, Луиза, то я и сделаю. Завтра я приду опять и на коленях поклянусь тебе в вечной любви!

Он привлек ее к себе; она раскрыла объятия и их отчаяние погасло в поцелуе.

На рассвете, когда день начинается, разгоняя сумрак ночи, человек повис на тонкой, едва заметной веревке, спустившейся с вершины замка до подошвы замка Монтестрюка. Графиня смотрела влажными глазами на своего дорогого Колиньи, спускавшегося этим опасным путем; веревка качалась под тяжестью его тела. Крепкая шпага его царапала по стене, и когда одна из его рук выпускала шелковый узел, он посылал ею поцелуй нежной и грустной своей Луизе, склонившейся под окном. Слезы её падали капля за каплей на милого Жана.

Скоро он коснулся ногами земли, бросился в мягкую траву, покрывавшую откос у подошвы скалы, и, сняв шляпу, опустил ее низко, так что перо коснулось травы, поклонился и побежал к леску, где в густой чаще стояла его лошадь.

Когда он совсем исчез из глаз графини в чаще деревьев, она упала на колени и, сложив руки, сказала:

– Господи Боже! сжался надо мной!

В эту самую минуту граф де Монтестрюк выходил с пустыми руками из игорной залы, где лежали в угле три пустых кожаных мешка. Он спускался по винтовой лестнице, а шпоры его и шпага звенели по каменным ступеням. Когда он проходил пустым двором, отбросив на плечо полу плаща, хорошенькая блондинка, которая ночью сидела подле него, как ангел-хранитель, а была его злым гением, нагнулась на подоконник и сказала, глядя на него:

– А какой он еще молодец!

Брюнетка протянула шею возле неё и, следя за ним глазами, прибавила:

– И не смотря на годы, какая статная фигура! Многие из молодых будут похуже!

Потом она обратилась к блондинке, опустившей свой розовый подбородок на маленькую ручку:

– А сколько ты выиграла от этого крушения? – спросила она.

Блондинка поискала кончиками пальцев у себя в кармане.

– Пистолей тридцать всего-навсего. Плохое угощенье!

– А я – сорок. Когда граф умрет, я закажу панихиду по его душе.

– Тогда пополам, возразила блондинка и пошла к капитану с рубцом на лице.

Граф вошел в сарай, где его ожидали Франц и Джузеппе, лежа на соломе. Оба спали, сжав кулаки. У трех лошадей было подстилки по самое брюхо.

– По крайней мере, эти не забывают о своих товарищах, – сказал граф.

Он толкнул Франца концом шпаги, а Франц, открыв глаза, толкнул Джузеппе концом ножа, который он держал наголо в руке. Оба вскочили на ноги в одну минуту.

Джузеппе, потягиваясь, посмотрел на графа и, не видя у него в руках ни одного из трех мешков, сказал себе:

– Ну! мои приметы не обманули!

– Ребята, пора ехать. Мне тут делать нечего; выпейте-ка на дорогу, а мне ни есть, ни пить не хочется... и потом в путь.

Франц побежал на кухню гостиницы, а итальянец засыпал двойную дачу овса лошадям.

– Значит, ничего не осталось? – спросил он, взглянул искоса на господина.

– Ничего, – отвечал граф, обмахивая лицо широкими полями шляпы. – Чорт знает, куда мне теперь ехать!

– А когда так, граф, то надо прежде закусить и выпить; ехать-то, может быть, придется далеко, а пустой желудок – всегда плохой советник.

Франц вернулся, неся в руках пузатый жбан с вином, под мышкой – большой окорок ветчины, а на плече – круглый хлеб, на котором лежал кусок сыру.

– Вот от чего слюнки потекут! – сказал Джузеппе.

И, увидев кусок холста, висевший на веревке, прибавил:

– Накрыть скатерть?

– Нет, можно и так поесть.

Франц проворно разложил провизию на лавке и сам с Джузеппе сел по обеим концам её.

Граф, стоя, отломил кусок хлеба, положил на него ломоть ветчины и выпил стакан вина.

– Вот эта предосторожность будет не лишняя вашей милости, – заметил Джузеппе: он давно служил у графа де Монтестрюка и позволял себе кое-какие фамильярности.

У Франца рот был полон, и он не жалел вина; он только кивал головой в знак согласия, не говоря ни слова.

Между тем граф ходил взад и вперед, и только каблуки его крепко стучали по земле. Проиграть шестьдесят тысяч ливров в каких-нибудь два часа! а чтоб достать их, в недобрый час он заложил землю, леса, все, что у него оставалось. Разорение! Конечное разорение! А у него жена и сын! что теперь делать? Тысяча черных мыслей пронеслись у него в уме, как стаи воронов по осеннему небу.

Закончив скромный завтрак, Джузеппе и Франц стали подтягивать подпруги и зануздывать лошадей, и скоро вывели их из конюшни. Прибежал слуга; граф высыпал ему в руку кошелек с дюжиной серебряной мелочи, между которой блестел новенький золотой.

– Золотой – хозяину; – сказал он, слегка ударив его по плечам хлыстиком; – а картечь – тебе, и ступай теперь выпить!

Через минуту, граф спускался по той самой узкой улице, по которой поднимался ночью. Зеленоватый свет скользил по краям крыш; кое-какие хозяйки приотворили свои двери. Три лошади шли ровным шагом. Граф держал голову прямо, но брови были насуплены, а губы сжаты. По временам он гладил, рукой свою седую бороду.

– Бедная Луиза! – прошептал он. – Есть еще мальчик, да у этого всегда будет шпага на боку!

Нужно было однако же на что-нибудь решиться. На что же? Взорвать себе череп из пистолета, кстати он был под рукой? Как можно? Неприлично ни дворянину, ни христианину! А он граф Гедеон-Поль де Монтестрюк, граф Шаржполь, – был и хорошего рода, и хороший католик.

Поискать счастья на чужой стороне? это годится для молодежи, которой и государи и женщины сладко улыбаются, но бородачей так любезно не встречают! Просить места при дворе или губернаторского в провинции? Ему, в пятьдесят лет, попрошайничать, как монаху! Разве для этого отец его, граф Илья, передал ему родовой герб с черным скачущим конем на золотом поле и с зеленой головой под шлемом, а над ним серебряной шпагой? Полно! разве это возможно?

Было ясно однако же, что, продолжая так же, он плохо кончит, а не для того же он родился на свет от благочестивой матери. Хотя бы у него осталось только одно имя, и его надо передать чистым сыну и даже, если можно, покрыть его новым блеском, как умирающее пламя вдруг вспыхивает новым светом... Хорошо бы совершить какой-нибудь славный подвиг, подвиг, который бы принес кому-нибудь пользу и который пришлось бы оросить своей кровью... Вот это было бы кстати и честному человеку, и воину...

Проезжая мимо фонтана, сооруженного в Лектуре еще римлянами и сохранившего название фонтана Дианы, он вздумал обмыть руки и лицо холодной и чистой водой, наполнявшей широкий бассейн. Это умывание, может быть, успокоит пожирающую его лихорадку.

Он взошел под свод и погрузил голову и крепкие кулаки в ледяную воду.

– Молодцы же были люди, вырывшие этот бассейн на завоеванной земле! – сказал он себе. – Кто знает? быть может, в этом ключе сидит нимфа и она вдохновит меня!

Граф сел опять на коня и поехал по дороге вдоль вала к воротам, через которые он въехал ночью. Заря начинала разгонять ночные тени, которые сливались к западу, как черная драпировка. Равнина вдаль тянулась к горизонту, окрашенному опаловым светом с розовыми облаками. Вдоль извилистого русла Жера тянулся ряд тополей, стремившихся острыми вершинами к небу, а луга по обоим берегам прятались в белом тумане.

Натуры сильные и деятельные редко поддаются впечатлению пробуждающейся тихо и спокойно природы; но в это утро граф Гедеон был в особенном расположении духа, внушавшем ему новые мысли. Он окинул взором эти широкие поля, пространный горизонт, долины, леса, между которыми он так давно гонялся за призраками, и, поддаваясь грустному чувству, спросил себя, сделал ли он хорошее употребление из отсчитанных ему судьбою дней? Болезненный вздох вырвался из его груди и послужил ему ответом.

Вдруг ему что-то вспомнилось и он ударил себя по лбу.

– Да, именно так! – сказал он себе.

И, обратясь к своим товарищам, он спросил:

– Не знает ли который из вас, что, старый герцог де Мирпуа у себя в замке, возле Флеранса, или в своем отеле в Лектуре?

– Мне говорили в гостинице, где мы провели ночь, – сказал Джузеппе, – что старый герцог возвратился вчера из Тулузы, и наверно, так рано он еще не уехал из города.

– Ну, так к нему в отель, и поскорей!

Граф повернул назад, выехал на соборную площадь и остановился немного дальше перед широким порталом, тяжелые столбы которого были увенчаны большими каменными шарами, позеленевшими от мха. Он поднял железный молоток и ударил им в дверь, которая тотчас же отворилась.

– Скажи своему господину, – сказал он появившемуся слуге, – что граф де Монтестрюк желает поговорить с ним по делу, не терпящему отлагательства.

Минуты через три тот же слуга вошел в залу, куда ввели графа, и доложил ему, что герцог де Мирпуа его ожидает.

III

Стычка в чистом поле

Граф Гедеон поднялся по великолепной каменной лестнице с железными перилами превосходной работы, прошел длинную анфиладу комнат и в большом парадном салоне нашел герцога де Мирпуа, который встретил его без шляпы.

– Граф, – сказал он вежливо, – такой ранний визит доказывает, что у вас есть ко мне важное дело. Я желал бы иметь возможность и удовольствие оказать вам в чем-нибудь услугу.

– Благодарю вас за любезность, герцог, отвечал граф де Монтестрюк; речь идет обо мне, но об вас еще больше.

– Обо мне?

– Вы сейчас это узнаете. Простите мне прежде всего, что я вызову у вас тяжелое воспоминание: у вас была дочь, герцог?

Герцог де Мирпуа побледнел и, опершись на спинку кресла, отвечал:

– Её уж нет больше, граф; она не умерла, а посвятила себя Богу, и каждый день я ее оплакиваю, потому что каждый день я знаю, что она жива и что уж я никогда больше её не увижу.

– Я знаю, какой удар обрушился на ваш дом... я знаю имя мерзавца, который совершил преступление! Меня удивляет одно только – что он еще жив.

– У меня нет сына... я гнался за человеком, о котором вы говорите, догнал его! Рука моя его вызвала... Вы знаете историю дон-Диего, граф; со мною было то же... Он сломал мою шпагу и оставил мне жизнь, а у меня нет Сида, чтоб отомстить за меня.

– Ну, а если б кто-нибудь вам сказал: я убью барона де-Саккаро или сам погибну, чтобы вы ему дали?

– Что сам бы он захотел... Этот дом, мои замки, мои имения... все, все! С меня довольно было бы угла, где бы я мог умереть.

– Всего этого слишком много. Оставьте себе имения и замки, оставьте себе этот дом и ваши дома в Оше и в Ковдоме. Я берусь убить барона де-Саккаро, немножко за себя, больше за вас, но мне не нужно ничего из всех ваших богатств... я прошу только вашего покровительства для женщины и для ребенка.

– Мой дом им будет открыт, даю вам в том слово. А как зовут эту женщину?

– Графиня де Монтестрюк, которая сегодня же вечером, может быть, овдовеет и приведет к вам моего сына.

Герцог с удивлением взглянул на графа и спросил его:

– Значит, все, что рассказывают, правда?

– Да, герцог, я разорился; мои последние деньги исчезли сегодня ночью в игорном притоне... Мне стыдно и страшно подумать об этом, но именно потому, что я так дурно жил, я хочу хорошо умереть... Кровь, говорят, оmyвает всякую грязь, а моя кровь прольется сегодня наверное до последней капли.

Герцог де Мирпуа сделал движение; граф остановил его жестом.

– Я твердо решился... вы мне дали слово... Остальное касается только одного меня...

– Но этот барон де Саккаро, вы разве знаете, где он теперь?

– Я, знаю, по крайней мере, как напасть на его следы... и стану его искать, как ищейка следит за диким кабаном... раньше вечера я наверное настигну его... клянусь вам... А если я вернусь... тогда посмотрим!..

Герцог де Мирпуа открыл ему объятия; граф бросился ему на грудь. Через минуту граф де Монтестрюк пошел к двери, с высоко поднятой головой.

– Да сохранит вас Бог! – воскликнул герцог.

Очувившись снова на улице и сев на коня, граф де Монтестрюк вздохнул полной грудью: совесть говорила ему, что он поступил благородно. Проезжая мимо собора, на верху которого блеснул крест в лучах утреннего солнца, он сошел с коня и, бросив поводья Францу, взмолился на паперть и преклонил колена. Джузеппе вошел вслед за ним и сделал тоже.

«Барон де Саккаро – человек суровый, – сказал себе граф Геден; – если он убьет меня, я хочу, насколько возможно, спасти душу свою от когтей дьявола».

Помолившись, он встал. Джузеппе вышел за ним, опустил пальцы в кропильницу со святой водой и перекрестился.

– Нельзя знать, что случится, – сказал он, в свою очередь, – а все-таки это пойдет в зачет за добрые дела и повредить не может.

Выехав за ворота Лектура, три всадника очутились в поле и пустились рысью по дороге. Они ехали в ту сторону, где видели накануне зарево от пожара. Путь им лежал мимо Монтестрюка, башни которого виднелись за деревьями, на верху холма. Граф замедлил шаг лошади и долго всматривался в эти башни, в холм, по которому тянулся тяжелый пояс стен, в большие деревья кругом, в долину, которая отлого спускалась к Жеру, в эти места, где он впервые увидел свет, в это голубое небо, улыбавшееся ему с детства, во все эти окрестности, полные воспоминаний, в эти леса, бывшие свидетелями его первых охот, в лугах, где он скакал на молодых лошадях, в реку, обсаженную вербами, где он удил рыбу, в этот золотистый горизонт, где он так легко мог бы найти свое счастье, если б его не толкал демон. Неодолимое волнение пробиралось в его твердую душу. Удивленный этим непривычным ощущением, он провел рукой по глазам. Слеза повисла у него на ресницах.

– Да ведь у меня есть жена! – сказал он себе: – есть ребенок!.. Кровь моя течет в его жилах!

Не поддаваясь осаждавшему его мыслям, он прищипнул коня, который уж собирался свернуть в Монтестрюк, и пустил его в галоп к Ошу.

– Ты знаешь, куда господин едет с нами? – спросил Франц потихоньку у Джузеппе.

– Нет, но наверное на какую-нибудь чертовщину.

Встречая по дороге крестьян, ускорявших шаги, граф де Монтестрюк спрашивал у них, не знают ли они, где можно встретить барона де Саккаро? При этом страшном имени, некоторые бледнели. Его видели в окрестностях Сент-Кристи, где он для забавы сжег прошлой ночью четыре или пять домов.

– Правда, – сказала одна старуха, – что один тележник чуть не убил его молотком за то, что он обижал его дочь.

– А что же сделал барон?

– Он бросил его в ров, раскроив ему голову, а дочку увел с собой.

– Всё тот же! – проворчал граф.

В Сент-Кристи он увидел еще тлеющие развалины четырех или пяти домиков, вокруг которых горевали и плакали бедные женщины с маленькими детьми. Ни приюта, ни одежды, ни хлеба; а зима приближается.

– А я проиграл в эту ночь шесть тысяч пистолей! – сказал он с негодованием на самого себя; потом, успокоив свою совесть мыслью о том, что он затеял, он крикнул им:

– У меня нет для вас денег, но если только это может вас утешить, я клянусь вам, что проклятый барон не будет уже больше делать вам зла! А пока, ступайте к герцогу де Мирпуа, в его дом в Лектуре, и он, наверное, поможет вам в память обо мне.

Сказав это, граф Геден пустился к Рамбер-Преньену. Толпа цыган, тащивших за собой вереницу растрепанных лошадей и облезлых ослов с десятком полунагих ребятишек, шлепавших по грязи, сказала ему, что барон со своей шайкой поехал в Сен-Жан-ле-Конталю, где он хотел провести день в трактире, хозяин которого славится уменьем жарить гусей.

- Кто тебе сказал это? – спросил граф у цыганки, которая отвечала ему за всех прочих.
- Да он сам. Я ему ворожила.
- А что ж ты ему предсказала?
- Что он проживет до ста лет, если только дотянет до конца недели.
- А какой день сегодня?
- Суббота.
- Ну, ну! может статься, что он долго и не протянет! А что он дал тебе?
- Два раза стегнул кнутом. За то я же ему плюнула вслед, да еще перекрестилась левой

рукой.

Граф уж было отъехал, но вернулся и спросил еще:

- А сколько мошенников у него в шайке?
- Да человек двадцать и все вооружены с ног до головы.
- Э! а нас всего только трое! – сказал граф. Потом, выпрямляясь на седле, прибавил: –

Да, трое; но один пойдет за четверых, вот уж двенадцать, а двенадцать душ со мною пойдут и за двадцать; выходит счет ровный.

Он снял с шеи золотую цепь и отдал цыганке:

- Карман пуст, но все-таки бери, и спасибо за известия.

Цыганка протянула руку к графу, который уже поскакал дальше, и крикнула ему вслед:

- Пошли тебе, Господи, удачу!

Услышав это, граф снова остановился и, повернув к ней, сказал:

- Чёрт возьми! да кто ж лучше тебя может это знать? Вот моя рука, посмотри.

Цыганка схватила руку графа и внимательно на нее посмотрела. На лице её, под смуглой кожей, показалась дрожь. Франц смотрел на нее с презрением, Джузеппе – со страхом.

– Вот странная штука! – сказала наконец цыганка: – На руке у дворянина те же самые знаки, что я давеча видела на руке у разбойника.

- А что они предвещают?
- Что ты проживешь долго, если доживешь до завтра.
- Значит, всего один день пережить, только один?
- Да, но ведь довольно одной минуты, чтобы молния сразила дуб.
- Воля Божия!

Граф кивнул цыганке и, не дрогнув ни одним мускулом, поехал дальше.

Уже собор Ошский показался на горе с двумя своими квадратными башнями, как граф Геден подозвал знаком обоих товарищей. В одну минуту они подъехали к нему, Франц слева, а Джузеппе справа.

- А что, молодцы, очень вы оба дорожите жизнью? – спросил граф.

Франц пожал плечами и отвечал:

– В пятьдесят-то лет! а мне они стукнули два года с месяцем тому назад! Есть чем дорожить! С трудом могу я одолеть пять или шесть кружек... я совсем разрушаюсь... Съем трех каплунов – и совсем отяжелею, а если не просплю потом часов восемь или десять, то голова после трещит... Надоело!

- А ты, Джузеппе?

– О! я, – сказал итальянец, – да также, как и он! К чему жить в мои года? Вот недавно проскакал одним духом тридцать миль – и схватил лихорадку... Правда, что лошадь совсем пала; но ведь то – животное неразумное, оно и понятно... Вот на ночлеге хорошенькая девочка наливала мне стакан... Она улыбнулась; зубки у ней блестели, как у котенка. Покойной ночи! я заснул, положив локти на стол... Совсем не стало во мне человека!

- Значит, вам все равно – отправиться в путь, откуда не возвращаются назад?
- Вот еще! когда вы едете, то и мы не отстанем. Правда, Франц?
- Еще бы!

– Когда так, то будьте готовы оба. Когда граф де Монтестрюк указывает на такое место, где умирают, то он скачет всегда впереди.

– Значит, мы едем?... – спросил Джузеппе.

– Захватить барона де Саккаро в трактире, где он пирует с своими разбойниками.

– Их двадцать, кажется, а с ним, выходит, двадцать один, – сказал Франц.

– Что ж, разве боишься?

– Нет, я только подвожу итог.

– Или мы его уьем, или он нас спровадит на тот свет.

– А что я тебе говорил? – проворчал Джузеппе на ухо товарищу.

Три всадника, оставив Ош направо, въехали в долину, которая ведет в Сен-Жан-ле-Конталь, когда граф де Монтестрюк, остановясь у группы полуобнаженных деревьев, вынул шпагу и, согнув ее на луке седла, сказал:

– Теперь, товарищи, осмотрим наше оружие! Не следует, чтобы проклятый барон захватил нас врасплох!

Все трое вынули свои шпаги и кинжалы из ножен, чтоб убедиться, что они свободно входят и выходят, что концы у них остры и лезвия отточены. Осмотрели заряды в пистолетах, переменили затравку и, успокоившись на этот счет, пустились дальше.

– Видите, молодцы, – сказал граф, – шесть зарядов – это шесть убитых. Останется четырнадцать, пустяки для нас с вами... Притом же цыгане вечно прибавляют. Однако ж, нужно держать ухо остро и не трать пороху по воробьям.

Скоро они доехали до того места долины, где начинались дома Сен-Жан-ле-Конталья. Женщины и девушки с криком бежали во все стороны по полям; дети плакали, догоняя их и падая на каждом шагу. Сильный шум раздавался из деревни.

– Вот лучшее доказательство, что тот, кого мы ищем, еще не убрался отсюда! – сказал граф Гедеон.

Он остановил за руку женщину, бежавшую с узлом платья на голове. Та упала на колена, думая, что пришла её смерть.

– Встань и расскажи, что там такое?

– Ах, мой Боже! сам дьявол напал на нашу сторону!

– Да, дьявол или барон – это одно и то же. Что же он там делает?

– А все, что не позволено делать, добрый господин. Сначала ещё шло порядочно; вся ватага казалась усталой и толковала, что пора спать; начальник велел приготовить обед, когда они проснутся. Трактирщик поставил кастрюли на огонь, а на дворе накрыли большой стол. Но как только они открыли глаза и выпили несколько бутылок, то стали прямыми язычниками.

– Совсем пьяные, значит?

– Совершенно!

– Ну, тем лучше!

– Что вы говорите? Они собираются разграбить деревню для забавы. Я, пришла было с другими, посмотреть и едва унесла ноги. Послушайте-ка!

В самом деле, слышался сильный шум и выстрелы. Перепуганный скот бежал из деревни с отчаянным ревом. Старуха бросилась тоже бежать. Граф поехал к деревне.

– Берегитесь, детки, пляска начинается! Смотрите, руку на пистолет и, как только я подам сигнал, – не зевать!

– А какой же будет сигнал?

– Чёрт возьми! шпага наголо! Как только я ее выну – стреляй в разбойников и руби их!

Они приехали на главную улицу Сен-Жан-ле-Конталья, в конце которой стоял трактир, прославившийся жареными гусями. Повсюду царствовал страшный беспорядок. На жителей напал панический ужас. Чтоб добраться до трактира Золотого Карпа, надо было только идти навстречу бегущим. Адский шум выходил оттуда.

Через растворенную дверь виден был барон верхом, со шляпой на бровях; он осушил целый жбан и смеялся во все горло, Кругом него – самый шумный беспорядок. Ломали мебель, бросали посуду за окошко. Несколько разбойников гонялись за служанками, которые не знали, куда спрятаться; стол был опрокинут, несколько бочек расстреляно из пистолетов и вино лилось ручьями на красный пол. Негодяи, припав на колена, так и пили прямо с полу. В углу плакала девушка с обнаженными плечами. Там и сям солдаты торопливо совали в мешки и чемоданы награбленные вещи. Другие стреляли в кур и уток и вешали убитых за ноги к седлам.

– Ату его! ату его! – кричал барон, забавлявшийся, как король.

Труба протрубила поход: кто держался еще кое-как на ногах, сели на коней и выровнялись подле барона де Саккаро, красного, как пион. Другие пошли, качаясь, на конюшни и вышли оттуда, таща лошадей за поводья.

– Все крепки и славно вооружены, – сказал Франц, – и не двадцать их, а тридцать!

– Ну, тем будет забавнее. На балу, ты сам знаешь, чем больше танцующих, тем веселей, – отвечал Джузеппе.

– Можно мне выбрать себе одного? Вот тот в красном плаще мне нравится.

– А меня особенно соблазняет толстяк, с зеленым пером на шляпе.

– Выстрелим-ка разом, будет пара.

Выстроив кое-как свою банду, барон огрел хлыстом отсталых и, выпрямившись на стременах, крикнул:

– Теперь, мои барашки, на охоту за хорошенькими девочками и за прекрасными денежками! Кто меня любит – за мной!

В ответ раздалось «ура», и в ту минуту, как отряд двигался с места, на дворе появился впереди Франца и Джузеппе граф Гедеон в шляпе, надвинутой на самые брови, крепко сидя в седле и с откинутым на плеча плащом. Барон уже ехавший к воротам, увидел его.

– А! граф де Монтестрюк! – вскричал он.

– Он самый!

– Тысяча чертей! помоги же моей памяти!.. Ведь это тебя я бросил наземь как-то вечером, на дороге в Миркиду, в прошлом году?

– Да, напав на меня сзади и неожиданно.

– Военная хитрость, мой друг, военная хитрость! А! да славно же ты и упал тогда!.. Какими судьбами ты гуляешь теперь по моей дороге?

– Гуляю потому, что ишу тебя.

– Ну! вот теперь ты нашел меня; чего же ты от меня хочешь?

– Хочу убить тебя.

Шпага графа блеснула в правой руке, и в тоже мгновенье он выстрелил левою из пистолета в бандита, стоявшего у него на дороге.

В ту же минуту раздалось еще два выстрела, а за ними, с быстротою молнии, – еще три. Шесть человек упало, и в числе их человек в красном плаще и другой – с зеленым пером.

И вдруг с криком: «бей! руби!» – старинным военным криком своего рода, – граф де Монтестрюк бросился прямо на барона.

В то же время, со шпагами наголо: Франц и Джузеппе кинулись на прочих бандитов.

Удар был страшный. Ошеломленные стремительной атакой, расстроенные внезапным падением шестерых товарищей, всадники барона дали прорвать ряды свои, и еще двое свалились с коней от первых же ударов. Но как только они увидели, что против них всего трое человек, они сомкнули ряды и кинулись вперед в свою очередь. Тут произошла страшная свалка, раздалось крики, стоны, проклятия, бешеные удары шпаг и глухой шум тяжелого падения тел на землю. Дым от выстрелов облек всю схватку.

Граф Гедеон перескочил через солдата, которого свалил первым выстрелом, и схватился с бароном де-Саккаро. Это был крепкий рубака, владевший отлично и шпагой, и кинжалом; не

легко было одолеть его; но он ослабел от попойки, рука его потеряла и гибкость, и твердость; кроме того, у графа было еще и то преимущество, что он готов был умереть, лишь бы только убить врага.

Два тигра не бросаются друг на друга с такой яростью, когда схватываются из-за добычи; удар сыпался за ударом; уже кровь лилась ручьями с обоих, но потому уже, как граф вертелся около барона, грозя ему и рукой, и шпагой, и кинжалом, быстро нападая и так же быстро отражая удары, – можно было отгадать заранее, на какой стороне окажется победа. Она пришла бы еще скорей, если бы по временам один из людей барона не отделялся от общей схватки, в которой бились Франц и Джузеппе, как два диких кабана, преследуемые стаей собак, – чтобы броситься на графа, которому приходилось еще и от него защищаться, а между тем барон мог хоть немного вздохнуть; но силы его заметно истощались вместе с кровью, лившейся из ран, и шпага уже плохо действовала в его руках.

Пришла наконец минута, когда усталая рука не выдержала тяжести шпаги, опустилась и открыла задыхающуюся грудь. Быстрей молнии, рука графа Гедена вытянулась, и барон повалился на грудь своей лошади. Ударом кинжала граф распорол ему горло, приколоч еще раз и бросил окровавленного наземь.

– Мертв! – крикнул он.

Видя смерть начальника, еще кое-как державшиеся люди барона ударились в бегство и, прискакав разом целой толпой к воротам, валились друг на друга.

Франц и Джузеппе не думали гнаться за ними. Кругом них валялось с дюжину безжизненных тел. Другие хрипели по углам или едва таскались там и сям. Они изрубили эту сволочь, качавшуюся на конях и извергавшую при каждом ударе столько же вина, как и крови. Но оба они так упорно и слепо продолжали биться, что в числе ударов, направленных против них на удачу полупьяными разбойниками, некоторые все-таки попали ловко. Окруженные мертвыми и умирающими, Франц и Джузеппе и сами казались не лучше их. Они протянули друг другу руку.

– Ну, каково тебе, брат? – спросил Франц у Джузеппе.

– Да нехорошо, брат! а тебе?

– Еще немножко хуже, если возможно.... Мне кажется, что стены этого двора пляшут сарабанду.

Граф подъехал к ним, едва держа в руке мокрую и красную шпагу, вдруг побледнел и на минуту закрыл глаза. Он открыл их и, сделав последнее усилие, чтоб не упасть, сказал:

– Кажется, мой счет сведен.

Франц и Джузеппе соскочили с седел, не думая о своих ранах, и сняли с коня графа, который уж не мог держаться на ногах; они положили его на солому, покрытую собранными на-скоро плащами. Несколько жителей, увидев, что побитые разбойники скачут сломя голову из деревни, подошли к трактиру. Кто был посмелей, вошли во двор, смотрели на раненых, считали мертвых, перескакивая через целые лужи крови. Двое или трое бродили вокруг барона, удивляясь его огромному росту и еще пугаясь его свирепого лица, которое так у него и замерло. Они показывали друг другу страшную рану у него на шее. Некоторые окружили тех, кто их избавил от этих разбойников, а один из них, еще не совсем оправившийся от страха, спросил, указывая пальцем на тело барона де-Саккаро:

– Правда ли, что он мертвый?

– Мертвый, как и я сам сейчас же буду, – отвечал граф Гедон.

Маленький человечек в черном плаще, вышедший из погребца, подошел ближе, согнув спину.

– Я немного лекарь, кое-чему учился в Испании, – сказал он; – покойный барон де-Саккаро, да примет Господь его душу! возил меня за собой на всякий случай... Когда я увидел,

что начинается битва, я спрятался, чтоб сохранить от ран такую личность, помощь которой может быть многим полезна...

Джузеппе толкнул его к графу.

– Вынимай инструмент, да только поскорей, – сказал ему граф.

IV

Обещание сдержал смертью

Маленький черный человек опустился на колена, расстегнул платье графа, положил его на спину, потом на живот, внимательно осмотрел раны и затем сказал:

– Все это – пустяки, граф; у меня есть секрет кое-каких мазей, и все бы уладилось; но, к несчастью, у вас на левом боку, между третьим и четвертым ребром, есть кинжальная рана дюйма в четыре или в пять, прошедшая насквозь через благородные части...

– Значит, смертельная? – спросил граф.

– Да, кажется по всему, что дело тут плохо; если б мой ученый друг, профессор дон-Игнацио Каррубио, преподающий в Саламанкском университете, был здесь с нами, он бы вам тоже сказал, что кинжальная рана, проникшая насквозь через...

– К чёрту твоего друга дон-Игнацио! Ему говорить тут нечего! говори сам: сколько времени я проживу?

– С помощью Божиею и с моими заботами о вашей милости, до...

Черный человек подумал.

– Да ну же! я ведь солдат. И так, по твоему, я проживу до?...

– До вечера, граф.

– Успею ли я; по крайней мере, исповедаться и принять причастие?

– Да, если у вашей милости не слишком много рассказывать попу.

– Только то, в чем порядочный дворянин может сознаться... Эй! Франц!

Франц подошел. У бедного рейтара были крупные слезы на глазах.

– Садись на лошадь и скачи в Жимонское аббатство; аббат мне приятель. Скажи ему, что приехал от меня, и пусть он пришлет мне священника... Только поторопись: смерть никак нельзя заставлять ждать.

Честный солдат, не говоря ни слова, поймал свежую лошадь, бродившую без седока, и попросил Джузеппе приложить ему к ранам, которыми он весь был покрыт, намоченные водкой компрессы и потуже их притянуть.

– Весь вопрос в том, чтоб мне только туда доехать, – сказал он, взбираясь на коня.

– Что ж? ты попридержи дыхание!

– Именно, попридержу...

Он дал поводья лошади, пришпорил ее и поскакал.

Между тем, пока Франц скакал в Жимонское аббатство за священником, черный человек, учившийся в Испании, давал графу из склянки крепительные лекарства и прикладывал к ранам разные мази, которых у него было множество. Джузеппе смотрел.

– Если у вас останется, – сказал наконец бедный солдат, – мне бы тоже нужно было хоть немножко.

Граф обернулся к итальянцу и, взглянув на него, сказал:

– А что, разве нам придется вместе отправляться в далекий путь?

– А вы как думаете? Я не из тех, что бегут в последний час.

По приказанию графа Гедсона, беднягу положили возле него, и они принялись толковать о старых походах, лежа оба рядом на соломе.

Черный человек расхаживал туда и сюда, поворачивал мертвых и останавливался возле тех, в ком были еще признаки жизни.

Жители деревни, не заботясь о несчастных умирающих, занимались очищением их карманов и действовали удивительно ловко. Услышав, что в трактире Золотого Карпа есть чем

поживиться, прочие тоже прибежали, как стая голодных собак, и принялись тащить платье с мертвых, споря между собой с шумом и криками.

– Зверь убит, а вот и мухи налетели! – сказал Джузеппе глубокомысленным тоном.

Он хотел опять начать толки с господином о военных похождениях, как вдруг граф Гедеон положил ему руку на плечо и сказал:

– Смотри, не вздумай умереть первым! ведь нужно же будет кому-нибудь привезти меня домой, в Монтестрюк; я на тебя рассчитываю.

– Ну, еще бы! ведь господин всегда должен идти впереди!.. Я могу и подождать.

Вдруг раздался шум на улице и набившаяся в воротах толпа расступилась: это Франц возвращался во всю прыть, одной рукой держась за седло, а другой нахлестывая лошадь запыхавшегося святого отца, который едва держался в седле и уже считал себя погибшим.

Франц раздвинул толпу, подошел прямо к графу Гедеону и сказал:

– Вот и священник!

Едва он это выговорил, как покатился наземь и растянулся во всю длину. Его охватила дрожь, рот судорожно сжался, он раскрыл глаза и уж не двинулся.

Джузеппе, приподнявшись, перекрестил бедного товарища.

– Вот и первый, – прошептал он.

Священник подошел к графу, которого знал давно, и, сложив руки на груди, сказал:

– Ах, граф! что это с вами сделали?

– Вот потому-то и надо торопиться... Я хороший дворянин и не могу умереть, как какой-нибудь нечестивец... но только – поскорей.

Он приподнялся и сел, а священник возле него.

– Святой отец! я делал не много добра, и редко; много зла, и часто; но никогда и ничего против чести... Я умираю с верой христианина и добрым католиком. Вот сейчас только я избавил свет от гнуснейшего мошенника.

– Знаю... знаю, – сказал священник.

– Надеюсь, что это мне зачтется там, на небесах.

Священник покачал головой нерешительно; потом, наклонясь к умирающему, сказал:

– Раскаиваетесь ли вы в грехах своих, сын мой?

– Горько раскаиваюсь.

Священник поднес распятие к губам графа, который набожно его поцеловал; потом перекрестил большим пальцем его лоб, уже покрывшийся липким потом.

– Pax vobiscum!

– Amen! – отвечал Джузеппе.

Окончив исповедь, граф попросил верного Джузеппе достать ему лист бумаги, перо и чернильницу. Черный человек, не сводивший с него глаз, достал все это из кожаного футляра, висевшего у него на поясе, и, положив бумагу на колена раненому, сказал боязливо:

– Не нужно однако же писать слишком долго.

– А! вы полагаете?

– Я говорю это из предосторожности. Я только что щупал вам пульс: если вы вздумаете писать красивые фразы, то не успеете подписать.

– Очень благодарен!

Джузеппе, собравший последние силы в эту торжественную минуту, приподнял графа, который взял перо и, призвав на помощь всю силу воли, довольно твердой рукой написал три строчки, подписал, свернул лист вчетверо и приложил на горячий воск, накапанный на бумагу черным человеком, большой золотой перстень с гербом.

– Еще есть у меня время? – спросил он, взглянув на черного человека.

– Да, немного... не столько, как в первый раз.

– Гм! смерть однако поспешает!

Он взял еще лист бумаги и тем же пером написал: «Графиня, я умираю христианином, хоть и прожил хвастуном; простите мне все зло, которое я вам сделал... Вверяю вам сына».

Он вздрогнул.

– Э! э! – сказал он, – вы правы: я чувствую, что смерть приходит! – И обращаясь к Джузеппе, добавил: – Эти два письма отдай графине де Монтестрюк, жене моей, а этот перстень – моему сыну.

Он опустился на солому, закрыл глаза, сложил руки; губы его слабо шевелились. Джузеппе стал на колена и положил подле графа его обнаженную шпагу. Все молчали на дворе. Священник читал отходную.

Вдруг граф открыл глаза и, взглянув на Джузеппе, сказал твердым голосом:

– До свиданья!

Дроже пробежала по всему телу с головы до ног, и он окоченел.

– Прими, Господи, душу его! – произнес священник.

– Вот и второй! – прошептал итальянец.

Джузеппе обернул тело господина в плащ и, положив его на носилки, направился к замку Монтестрюк.

Шествие двигалось медленно; Джузеппе ехал за ним верхом, держа лошадь графа в поводу. Он спрятал оба письма на груди, под полукафтаны, а перстень в поясе. По временам у него кружилась голова, но он не поддавался:

– Все равно, доеду.

К концу ночи он увидел стены замка Монтестрюк, выступающие из мрака.

– Кто идет? – крикнул часовой, заметив толпу людей, подходивших к воротам.

– Благородный граф де Шаржполь, сир де Монтестрюк, мой господин, возвращается мертвым в свой замок.

Подъемный мост опустился и процессия перешла ров и опускную решетку.

Если бы Джузеппе, вместо того, чтоб войти через ворота, взял по тропинке, шедшей под скалой, на которой возвышалась стена замка, он, может быть, различил бы две обнявшихся тени, смутно вырисовывавшиеся в черной раме окна, на верху большой башни. Графиня обнимала графа де Колиньи и не могла с ним расстаться.

– Итак, настал час проститься, – говорила она, – и навсегда!

– Не навсегда, Луиза; я ворочусь.

Она качала головой и слезы текли по её лицу.

– Вы отложили отъезд на один день... вы подарили мне этот день, но и он прошел, как прочие... теперь все кончено!

Он говорил ей о будущем.

– Нет, нет! вы не вернетесь... Арманьяк так далеко... а в Париже так хорошо!

Ее душили рыдания; сердце билось в груди; ничто не могло успокоить её отчаянья, ни клятвы, ни обещания.

– Я чувствую, – говорила она, – что никогда уж вас не увижу!

Бледный свет, предвестник утра, начинал показываться на горизонте.

– Вот уж и день! – сказала она, вздрогнув. И, обняв его в последний раз, произнесла: – Прощай!

Она прильнула губами к его лбу и безмолвно указала на веревку, повешенную у окна. Граф де Колиньи повис на ней.

– О! нет, нет! не сейчас! – вскричала она.

Со стороны ворот послышался шум, потом завизжали цепи подъемного моста в пазах и раздался стук упавшего помоста.

– Боже! – сказала графиня, – это граф де Монтестрюк, должно быть!.. Ступайте! ступайте!

Графиня простояла, задыхаясь в страхе, у окна, пока граф де Колиньи спустился по веревке и убежал в лес. Дрожащей рукой она схватила веревку и, притянув ее наверх, спрятала в сундук. Едва успела она затворить окно, как к ней в дверь постучали. Кровь бросилась ей в голову.

– Что там? – спросила она глухим голосом.

– Это я – Джузеппе, ваш слуга, с поручением к графине от графа де Монстриюк, моего господина.

Луиза пошла медленно к двери, прислушиваясь. Галоп лошади раздался вдали.

– Уехал! – прошептала она.

Она отперла дверь – и Джузеппе, со шляпой в руке, бледный, расстроенный, вошел в комнату.

– Графиня, – сказал он, кланяясь: – вот письма, которые граф приказал мне вручить вам. Кроме того, он передал мне свой перстень для своего сына.

Графиня взяла у него из рук письма и перстень. Она смотрела на него с ужасом и боялась спросить.

– Но сам граф? – спросила она наконец.

– Граф следует за мною. Извольте взглянуть.

Он раздвинул складки портьеры и показал графине на носилках тело графа, поставленное двумя служителями посередине комнаты и окруженное четырьмя горящими свечами.

Из груди Луизы вырвался крик.

– Умер!

– Умер со шпагой в руке, как дворянин и как солдат. Вы видите, графиня, последняя мысль его была об вас.

– Где, когда, каким образом? спросила она.

В нескольких словах Джузеппе рассказал ей, как, проведя ночь за картами в Лектуре, граф отправился на рассвете искать барона де Саккаро, и как, застав его в Сен-Жан-ле-Конталье, он напал на него и убил.

– Тогда граф и написал письма, которые я обещал доставить вам. Потом он скончался от ран, получив отпущение нашей святой церкви.

Луиза упала на колена, закрыв лицо руками.

– Теперь, графиня, мое поручение исполнено и я могу идти.

И Джузеппе тяжело опустился на пол возле своего господина.

– Вот наконец и третий! – сказал он.

Служители, принесшие носилки, тогда же ушли. Графиня осталась одна с двумя трупами; кое-как она дотаскала до окна, ухватилась за него и с трудом выпрямилась. Вдали, по дороге, при первых лучах света, несло облако пыли, будто уносимое ветром.

– Ах! – сказала она, – вдова и одна!

Она подошла к столу.

– Но я могу написать, – продолжала она, – послать к нему верхового, вернуть его... – Она уже готова была опустить перо в чернила, но бросила его. – Как! – сказала она себе, – я предложу ему руку и вместе с ней заботу о разорённой женщине!.. Если граф де Монстриюк искал смерти, то я, зная давно его дела, могу догадаться, что у него ничего не осталось... Сделаться бременем для него, после того как была его счастье, мне!.. ни за что. И кто знает? может быть еще он и откажется... О, нет! Я сохраню имя, которое ношу, и добьюсь, чтобы сын того, кого уж нет больше в живых, носил это имя с честью.

Она затворила окно и уж не смотрела на белое облако, исчезавшее вдали.

– Теперь прошедшее умерло; надо думать только о будущем, продолжала она.

Графиня позвонила. Вошел слуга.

– Доложите графу Гуго де-Монстриюку, что мать желает его видеть, – сказала она.

Через минуту вошел ребенок по-видимому, лет семи или восьми; она взяла его за руку, подвела к телу графа Гедеона и сказала:

– Отец твой умер, сын мой; мы остались одни... Помолитесь за вашего отца, граф.

Скоро зазвонили колокола капеллы и церкви и возвестили вассалам графа де Шаржполя о смерти господина. Со всех сторон сбежались они преклонить колена вокруг гроба, покрытого большим покровом из черного бархата с фамильным гербом, и окруженного сотнями свечей, горевших в дыме ладана. Но за толпою слуг показались и жида с кривыми лицами, и жадные как волки ростовщики.

Графиня приняла их сама и, указывая на длинные столы, поставленные на дворе, сказала им:

– Идите и ждите; завтра замок будет ваш; сегодня он принадлежит смерти.

Черные значки развевались на верху башен и черные драпировки висели из окон. Похоронное пение раздавалось под сводами капеллы, наполненной дымом ладана. Графиня пробыла в ней целые сутки, преклонив колена на голых плитах, опустив покрытую вуалью голову, сложив руки в молитве, окруженная слугами замка, в слезах.

Когда она вышла из капеллы, это была уж не та женщина, которая вошла туда. Лицо её было бледно, как мрамор, и в заплаканных глазах светилась твердая решимость. Кротость и мягкость выражения исчезла и заменилась суровостью; вместо огня молодости, появилась грустная покорность судьбе и взгляд её ручался, что у неё достанет силы воли, чтобы остаться такою уже навеки. Прежде она была изящной, теперь стала величественною.

После великолепных похорон, на которые графиня отдала свои последние деньги, желая, чтоб они были приличны её положению и имени, она велела отворить настежь двери замка и позвать тех, кого удалила накануне.

– Из всего, что здесь есть, мне ничего больше не принадлежит, – сказала она им, – можете войти; мой сын и я – мы уходим.

Взяв с собой старого конюшего и двух служителей, которые поклялись никогда не оставлять ее, вся в черном и держа сына за руку, графиня прошла твердым и спокойным шагом через подъемный мост и, не оглядываясь на эти старые стены, в которых оставляла столько воспоминаний, пошла по дороге изгнания.

Ребенок шел возле матери, поглядывая на нее украдкой в беспокойстве и смутно понимая, что случилось нечто необыкновенное. В первый раз он почувствовал тяжесть смерти, вспоминая образ отца, неподвижного и бледного на парадном ложе. Когда исчезли из виду башни замка, он заплакал потихоньку.

Агриппа – так звали старого конюшего – не смел спрашивать графиню, но говорил про себя, что не оставит ее, куда бы она ни пошла.

На повороте торной дороги, которая вела из замка Монтестрюка в окрестные поля, их ожидала запряженная сильной рабочей лошадей телега, приготовленная Агриппой по приказанию графини. Она села в нее с сыном.

– Как, графиня! в этой телеге, вы? – сказал Агриппа в негодовании. – Позвольте, я побегу в замок и приведу...

– Не надо! – сказала она, протягивая свою белую руку... – Разве я тебе не сказала, что все остающееся там теперь уж не мое? Слушайся же меня, как ты слушался своего господина.

Не возражая более и подавив вздох, Агриппа взял лошадь за узду и спросил:

– Теперь же, куда прикажете везти вас, графиня?

– В Лектур, к герцогу де Мирпуа.

V

Воспитание молодого графа Монтестрюка

Под вечер телега, поднявшись на склон горы, по которому граф де Монтестрюк проезжал за три дня, остановилась у дверей того самого отеля, в который и он тогда постучался. Герцог де Мирпуа был дома.

– Хорошо, – сказала графиня слуге, которого вызвал Агриппа, – доложите герцогу.

Взяв в руки запечатанное гербом графа письмо, на котором она прочла адрес уважаемого старика, она вошла в ту самую большую комнату, где он принимал графа Гедеона. При виде женщины в трауре и при ней ребенка, герцог де Мирпуа подошел к графине и серьезным и ласковым голосом пригласил ее сесть.

– Нет еще, сказала она, прочтите прежде это письмо, герцог. Она подала письмо, герцог де Мирпуа распечатал его и громко прочитал следующее:

«Герцог!

Я убил барона де Саккаро и сдержал свою клятву; не стану напоминать обещание человеку вашего рода. Умираю, оставляя вашему покровительству графиню де Монтестрюк, жену мою, и моего сына, Гуго.

Гедеон-Поль де Монтестрюк, граф де Шаржполь»

Тогда графиня подняла свой вуаль и сказала:

– Я та, о ком пишет граф де Монтестрюк, а это – сын мой, Гуго.

– Графиня, не угодно ли вам присесть? – отвечал герцог; – мой дом – к вашим услугам.

Она погладила сына по голове и, указывая ему на аллеи и лужайки сада, видневшиеся в большие стеклянные двери, сказала ему:

– Ступай, сын мой; герцог и я будем говорить о таких вещах, которые ты узнаешь со временем.

Гуго поцеловал руку матери и вышел. Он был мальчик крепкий и ловкий; лицо его дышало откровенностью и решительностью.

Когда графиня де Монтестрюк села на большое почетное кресло, герцог поместился против неё и, поклонившись, сказал:

– Говорите, графиня; чего бы вы ни пожелали, все будет исполнено. Если б даже я и не дал слова вашему мужу, если б он и не погиб из-за меня, то вы одиноки, и я в полном вашем распоряжении.

– Что мне нужно, герцог, так незначительно, что, я уверена, вы мне не откажете.

– У меня несколько замков; выберите любой и поселитесь в нем. У меня нет больше дочери, и я брожу одинокий по своим обширным владениям. Что касается до лошадей и экипажей молодого графа – это уж мое дело.

– Совсем не то... Все это совершенно лишнее. Мне нужно только пристанище, где я могла бы жить в уединении, с двумя-тремя слугами, и скромные средства для содержания меня с сыном.

Герцог де Мирпуа посмотрел на нее с удивлением.

– Я объяснюсь, – продолжала графиня. – Вы знаете, как умер граф де Монтестрюк; вы знаете, как он жил. Когда он просил моей руки, он уже был вдовцом после первой жены, не оставившей ему детей; репутация его была уже известна. Меня хотели отдать в монастырь, а монастырь меня пугал. Мой отец, маркиз де Новель, был не богат. Он сказал мне о сватовстве графа де Шаржполя. Я приняла предложение, граф увез меня в Монтестрюк, и через год у меня родился сын. Я готова была посвятить себя человеку, имя которого носила, но не было возможности сладить с его неукротимым нравом. Богатство, полученное им в колыбели, свело

его с ума. Вечно в разъездах, вечно на праздниках, он переезжал из Бордо в Тулузу, из Монте-стриюка ко двору, воевал с наслаждением, когда представлялся случай, а, сложив оружие, играл с таким же жаром; едва ли сотню раз я его видела во все десять лет.

Луиза отерла платком дрожащие губы.

– Ах! сколько несчастий можно бы отворотить, если б он только сам захотел! – прибавила она, глубоко вздохнув.

Она скоро оправилась и продолжала:

– Я не хотела бы, чтобы сын мой испытал страсти, владевшие отцом. У Гуго те же инстинкты, тот же огонь в крови. Что погубило отца, может погубить и сына. Одним воспитанием можно победить и смирить его. Вот почему я хочу воспитать моего сына в бедности, в нужде, чтоб он узнал, как можно сделаться человеком.

– Вы, может быть, и правы, графиня.

– Да, я права, сердце говорит мне, что я права. Куда бы я ни поехала, в какой бы нужде я ни принуждена была жить, у меня есть два преданных существа, которые меня не покинут: женщина, которая меня выкормила, и старый солдат, который сопровождал графа в походах и ходил за его оружием и лошадьми. Он любит Гуго, как своего собственного ребенка. К этим двум преданным слугам прибавьте бедного малого, которого я приютила и у которого только и хватает смысла на черную работу, – и вот весь мой штат.

– Хорошо, графиня, а я же что буду делать?

– Если вам угодно будет указать мне дом, где бы никто меня не знал и где бы я могла поселиться одна с сыном, я буду вам вечно благодарна.

– Что вы говорите о благодарности!.. Граф де Монтестриюк омыл в крови мерзавца обиду, нанесенную моему имени... Я ваш должник... Все ли вы сказали?

– В этом доме мне нужно помещение для пяти душ; дайте мне еще средства, какие сами найдете достаточными для скромной жизни, без нужды, но особенно – без роскоши.

– У меня есть именно такой дом, графиня, и вы хоть завтра можете туда ехать, если вам угодно. На эту ночь я вас попрошу сделать мне честь остаться здесь в отеле.

Графиня де Монтестриюк поклонилась.

– Этот дом называется Тестера, – продолжал герцог. – Это маленькое имение, доставшееся мне по наследству. В нем приличная мебель, при нем есть двор, башенка, ров, до половины полный воды, и службы. Не возражайте! Это каменная раковина, которую граф де Монтестриюк разломал бы просто локтями. При доме есть клочок земли и небольшой лес, дающие полторы тысячи ливров в год доходу, и кроме того, кое какие сборы вином, хлебом, сеном и овощами.

– Да это великолепно!

– Семье мелких дворянчиков этого показалось бы мало! Завтра я пошлю человека в Тестеру с приказанием всё там вычистить, хорошенько осмотреть, всё ли есть в комнатах, и, если вам угодно, завтра же вечером вы можете туда переехать. Само собой разумеется, что с той минуты, как вы войдете в Тестеру, дом и имение будут ваши. Если я приеду когда-нибудь туда узнать о вашем здоровье, вы, в свою очередь, приютите меня на ночку.

– Я принимаю, – сказала графиня, подавая руку герцогу де Мирпуа. – Было бы странно с моей стороны отказаться от того, что мне так чистосердечно предлагают.

– Помните только одно, графиня, – сказал герцог, почтительно целуя ей руку: – как только вам угодно будет переменить ваше местопребывание, я всё-таки остаюсь в вашем распоряжении.

Все сделалось так, как говорил герцог. На другой день, он сам захотел проводить графиню в её новое жилище, в нескольких милях от Лектура и в такой местности, где не было проезжих дорог. Когда они подъехали к аллее старых деревьев, в начале которой стояло два столба, герцог снял шляпу и, поклонившись, сказал:

– Здесь вы у себя, графиня. Через месяц, если позволите, я побываю у вас.

На крепких стенах Тестерского замка стояла башня с бойницами и издали всё здание имело вид феодального укрепления. Службы соединялись с главным корпусом амбарами и сараями и окружали двор, посередине которого бил фонтан в старый бассейн, где покоился старый мраморный дельфин со скрученным хвостом. Другая обрушившаяся башня была разобрана наравне с крышей. Низкая и широкая зала со сводом служила погребом. Окна были крепкие, двери исправные, камины в порядке.

Осматривая дом от погреба до чердака, графиня де Монтестрюк нашла в столовой шкафы полные посудой, а в спальне – богатые запасы белья. Особенное внимание было обращено на кухню; медные кастрюли блестели в ней перед большими железными таганями. Тоже было и повсюду. Обо всем подумали, обо всем позаботились. На кроватях были занавески, одеяла, чистые простыни, подушки. В сенях были большие стенные часы с фигурой Времени наверху.

Старик Агриппа, бродивший и шаривший повсюду, пришел скоро, потирая руки.

– В погребе стоит десять бочек с вином, которых мы и в десять лет не выпьем, – радовался он; – в деревянном сарае сложено столько дров и хворосту, что станет нам на самые суровые зимы; в амбарах насыпано столько хлеба, что смело можем есть, не считая кусков, а овса хватило бы на десяток лошадей, если б они у нас были: повсюду полные мешки с лучшей провизией; я услышал крик петуха и открыл в углу птичий двор с курами и утками, которыми молодой господин останется наверное доволен; жирные гуси и индейки гуляют тут же близко, а графине «для милостыни» – так и написано вот здесь на бумажке – я нашел в сундуке толстый мешочек... Да! всего, всего у нас вдоволь.

Графиня де Монтестрюк поняла теперь, зачем герцог де Мирпуа посылал накануне дворецкого в Тестеру.

– Все ли ты рассказал? – спросила она, улыбаясь.

– О, нет! есть еще комнатка полная игрушек для графа Гуго, который будет им рад, а другая побольше со всяким оружием: с кинжалами, шпагами, мушкетами, самострелами, копьями, рогатинами, алебардами, с разным огнестрельным оружием, от пистолетов до фальконетов; будет с чем приучать его к ремеслу солдата... Это уж мое дело и я беру его на себя... А потом, в высокой светлой комнате на восток, прекрасная библиотека, набитая сверху донизу книгами. Есть между ними и книги с отличными картинками про сражения и осады и с портретами военачальников. Это придаст графу охоты учиться чтению.

Две больших собаки вошли в эту минуту и стали ласкаться к Агриппе.

– И эти собаки принадлежат графине, – продолжал он, лаская их; – я встретил их на дворе, на солнышке, дал им по куску хлеба, и с тех пор мы стали друзьями. Садовник здешний сказал мне их клички: вот это Дракон, а это – Фебея, брат и сестра, отличные собаки! Посмотрите, какие у них зубы! С такими сторожами можно спать покойно.

Было уже поздно и осмотр окрестностей Тестеры отложили на завтра.

Дом был построен в углублении, на берегу широкого озера, из которого наполнялись водою рвы. К нему вела хорошо содержимая дорога. Толстые вербы нагнулись надо рвами, где сновали угри между водяной чечевицей; высокий орешник рос по откосам. Кругом во все стороны шли луга. На скатах ближних холмов было немного пашни и несколько виноградников. В конце долины рос хорошенький густо-лиственный дубовый лесок. Неподалеку высилась в голубом небе игла колокольни и указывала место деревни, скрывавшей свои смиренные крыши в зелени груш и яблонь. В той же стороне проходила дорога, служившая сообщением с окрестностями. При доме был также огород и фруктовый сад.

Обойдя свое новое имение во всех подробностях и отдав полную справедливость предусмотрительности и доброте герцога, сумевшего соединить великодушную щедрость с уважением к её воле и желаниям, графиня позвала Гуго в свою комнату, посадила его к себе на колена и сказала:

– Ты осмотрел теперь, сын мой, те места, где ты должен прожить, пока не вырастешь.

- А когда же я вырасту?
- Лет через пятнадцать, дитя мое.
- Хорошо! здесь мне нравится. Я останусь здесь, пока вам будет угодно, матушка.
- А я здесь дождусь, пока Господь Бог призовет меня к Себе дать отчет в том, как я употребила дни свои.
- Не говорите этого, вы знаете – я не хочу разлучаться с вами.
- Мать нагнулась к нему и поцеловала.
- Ты уже не увидишь больше замка Монтестрюк, милый Гуго, – сказала она.
- Это почему? Он мне тоже нравился со своими высокими башнями, куда я взбирался с Агриппой и откуда так далеко было видно.
- Замок этот уже не наш и у тебя нет больше ни лошадей, ни пажей, ни шелкового и бархатного платья, а у меня – ни карет, ни конюших.
- Их у нас отняли?
- Нет, дитя мое... мы разорились.
- Разорились? – повторил маленький Гуго с удивлением.
- Ты не можешь понять этого слова теперь, но поймешь со временем.
- Когда так, то что же у меня остается?
- У тебя остается твое имя, сын мой.
- Славное имя! – вскричал ребенок с оживленным взглядом: – Гуго-Поль де Монтестрюк, граф де Шаржполь!
- Да, славное, сын мой, но с условием, чтобы ты возвратил ему прежний блеск и сохранил его чистым и незапятнанным.
- А что нужно для этого делать, матушка?
- Надо трудиться без отдыха, чтобы сделаться человеком и солдатом.
- Ну, я и стану трудиться и сделаюсь человеком и солдатом.
- Поклянись! твой отец никогда не изменял клятве и отдал жизнь свою, чтоб сдержать данное слово.
- Маленький Гуго задумался, потом, подавая матери обе руки, сказал:
- Клянусь вам, матушка.

* * *

Можно сказать, что воспитание маленького Гуго, ставшего графом де Монтестрюком, началось на другой же день после того, как он в первый раз провел ночь в Тестере. Дом этот был так далеко от замка, в котором он родился, что окрестные жители, – которые вообще мало разъезжали в эти далекие времена, а жили больше в тени своей колокольни – никогда не видели графини. Она могла гулять по окрестностям, не опасаясь быть узнанной. Она выдавала себя за вдову капитана, убитого на королевской службе, искавшую вдали от городов уединения и покоя. Все любили ее за молодость и задумчивую красоту, за проказы и миловидность сына и за делаемое кругом добро, для чего она отделяла всегда бедным десятину из своих небольших средств. Всякий кланялся, встречая ее во вдовьем трауре. По воскресеньям в церкви ей уступали особое место.

Однако ж, при всей суровости, в какую графиня де Монтестрюк заключила жизнь свою, несмотря на роковой удар, подсекший её молодость, бывали и у ней часы, когда приходили воспоминания прошлого. Ради чувства собственного достоинства, она не захотела позвать тогда графа де Колиньи, но неужели он сам не отыщет её из любви к ней? Возможно ли, чтоб он забыл ее до такой степени, что уж вовсе об ней и не думает? А как однако ж он любил ее! Как он клялся всегда сохранить эту любовь! Не он ли сам еще, в последний час разлуки, предлагал ей отыскать новое отечество в далеких странах? Тогда он был готов на всякие жертвы.

Когда эти мысли приходили ей в голову во время прогулок по окрестностям Тестеры, Луиза чувствовала внезапный огонь в сердце и одна, медленным шагом, со слезами на глазах, с подавленными вздохами, шла по тропинке от скромного дома до ближней дороги, на которой каждый день появлялись проезжие. Дорога эта пролегла по забытой местности, куда не доходило даже эхо событий, волновавших Париж. Когда задумчивая прогулка приводила ее к тому месту, откуда видна была длинная желтая лента, служившая им со общением с Ошем и Лектуром, а через Ош и Лектур – с Тулузой и Бордо, она садилась на камень и жадно всматривалась в две точки на горизонте, с востока и с запада. Когда поднималось вдали облако пыли, сердце её начинало биться, она привставала и старалась разглядеть фигуру всадника, поднимавшего эту пыль. Но то не был Жан-де Колиньи, и она грустно опускалась опять на свой камень.

Прошли дни и недели, месяцы и годы. Графиня де Монтестрюк оставалась все одна. Пришло время, когда она совсем уже перестала надеяться; она покинула мечты свои и положила на свое сердце камень отречения.

Я знала наверное, сказала она себе, что он забудет меня.

С этой минуты, между нею и Богом остался только один сын.

Первые годы прошли в глубокой тишине. Внешние события не отзывались в Тестере ни малейшим шумом. Гуго рос и укреплялся. У него оставалось смутное воспоминание о том, чем он был когда-то; но мать сказала ему, что по разным причинам, о которых он узнает впоследствии, он не должен говорить о прошлом, и ребенок молчал. Он был порядочный буян по летам своим, но в нем скрывалось что то твердое и честное, располагавшее всех в его пользу.

День его проходил в играх и в учении, в прогулках и в работах, развивавших его силы. Он любил ходить с крестьянами в поле, любил работать с ними серпом и топором в лесу. Раз как-то мать застала его за плугом; он покраснел и бросил палку с острым концом, которою погонял быков.

– Продолжай, – сказала графиня, – пахать не унижительно ни для кого.

Три раза в неделю, добрый священник, полюбивший вдову и сироту, являлся в Тестеру и учил внимательного Гуго истории, географии, словесности, латинскому языку и кое-каким обрывкам других наук. Ребенок любил читать: в длинные зимние вечера, когда ветер бушевал на дворе и дождь стучал по крышам, он, запершись в низкой комнате, возле матери, перед веселым огнем камина, по целым часам читал книгу о путешествиях или о жизни славных людей и пристращался к дальним экспедициям и к боевым подвигам, чудесные рассказы о которых были у него перед глазами; но что он любил особенно – это уроки Агриппы. Гуго еще не дорос ему до плеча, а уже бился на шпагах очень порядочно.

– Вам не достает только силы и привычки, граф, говорил старый солдат, гордясь своим учеником.

– Это придет, – отвечал Гуго, отирая пот с лица.

В пятнадцать лет Гуго был другом, можно сказать – командиром всех детей своего возраста. По воскресеньям их собиралась целая толпа к нему под команду; он делал большие смотры на окрестных лугах, строил с товарищами крепости и окопы, окружал их палисадами из кольев, потом делил войско на два отряда, отдавал один под команду смышленного товарища, сам становился во главе другого, и начиналось большое сражение, оканчивавшееся закуской, которую доставляла графиня. Ни снег, ни холод, ни дождь, ни ветер ничего не значили уже для здорового мальчика.

Гуго учился верховой езде без седла на лошадях, возвращавшихся с пахоты, и на жеребятках, которых ловил на пастбище. Никакая бешеная скачка его не пугала, никакая преграда его не останавливала. Упадёт сегодня, а завтра опять принимается за то же.

Агриппа думал только, как бы приучить молодого графа к фехтованию, и ему пришла оригинальная мысль, чтобы развить в нем врожденные способности и дать ему возможность биться со временем с самыми искусными бойцами.

Всякого солдата, всякого рубаку, какой ни попадал ему на дороге к Тестере, он зазывал в дом и кормил усердно, только с условием, чтобы час другой он провел с Гуго в фехтовальной зале за добрым уроком.

Агриппа был сам знаток в этом деле и когда видел, что урок прошел отлично, давал еще учителю небольшую плату. Солдат уходил довольный и нередко обещал еще раз зайти к ним.

В то время было довольно разных искателей приключений и дезертиров, так что юноша Гуго имел дело и с испанцами, и с итальянцами, и с швейцарцами, и с фламандцами, и с португальцами, которые учили его особым приемам каждой нации. Поседевшие бойцы усердно хвалили мальчика.

Случалось иногда и раскаиваться в этих гостеприимных встречах. Пропадали кое-какие вещи. Гуго не смел подозревать своих учителей. Напротив, доверчивый столько же, как и храбрый, он верил безусловно всем рассказам их о своих подвигах и походах. Раза четыре-пять он даже высыпал им на руку всё, что было в его скромном кошельке, а они клялись ему, что скоро принесут назад занятые деньги. Получив же займы деньги, они, разумеется, исчезали навеки.

– Как это странно! – говорил Гуго.

VI

Уроки и советы

Раз как-то сын графа Гедеона забыл на скамейке совсем новый плащ, сшитый местным портным из хорошего сукна. Только что он отвернулся, как плащ исчез. Он бросился искать его повсюду, крича, что разве сам дьявол унес его на рогах.

– Дьявол не дьявол, – сказал Агриппа, – а тот ловкий молодец, что рассказывал тебе о сражениях во Фландрии, просто – надел и ушел.

– О! – отвечал мальчик с негодованием, – как можно думать, чтоб такой храбрый человек решился на такой скверный поступок?

– Ну, я полагаю, не один такой лежит у него на совести? Пари готов держать, судя по коже, что этот хват чаще дезертировал, чем сражался.

– Это уж через чур!.. Если ты и угадал, то один он такой и найдется между всеми.

– Я сам видел, как он стащил плащ, да и десятеро других сделали бы на его месте то же самое. Подвернулся удобный случай, хороший новый плащ – как тут не решиться прохожему завладеть чужим добром? Бродяги вообще легко поддаются искушению... насчёт оружия вам немногому осталось еще поучиться, а уж насчёт жизни и людей, ну! не найдется, я думаю, такого монастырского послушника, который бы не был гораздо опытнее вас. Хотите испытать?

– Очень рад, только предупреждаю тебя, мой старый Агриппа, что я тогда только поверю, когда сам увижу воровство собственными глазами.

– Увидите, и не раз еще, а десять! Только не мешайте мне, и чтобы я ни говорил, все кивайте головой.

В тот же день Агриппа с учеником своим принялся за дело. Он вычистил погреб в старой башне, углубил его, сняв земли, потом посыпал рыхлой землей, а в своде проделал люк, да так искусно, что его нельзя было и заметить.

Этот люк открывался под тяжестью человека и проходил как раз у начала каменной лестницы с истертыми от времени ступеньками, которая вела в круглую комнату с узкими просветами; в углу этой комнаты стоял старый дубовый сундук, окованный ржавым железом. Агриппа обмел на нем пыль и, подняв крышку, положил туда два кожаных мешка с медными и железными кружочками. Гуго смотрел внимательно на эти приготовления.

– Вот западня и готова, подождем теперь лисицу, – сказал старик.

Потом, приложив палец к губам:

– Только, пожалуйста, никому ни слова.

Через неделю появился какой-то бродяга, вооруженный с головы до ног. Нос у него был крючком, а лицо – как у совы. Агриппа побежал к нему на встречу, наговорил ему тысячу любезностей и, как всегда делал, обещал хорошенько накормить за урок фехтования. Тот уж успел рассмотреть на кухне перед очагом аппетитный вертел, а на столе два жбана с вином, погладил усы и согласился охотно.

– На дворе уж поздно и ходить по ночам не годится, – прибавил Агриппа; – так после урока, останьтесь-ка у нас переночевать, а завтра утром мы вам поднесем на дорогу еще стакан вина и кусок холодного мяса.

– Отлично! – сказал пандур.

– Что это затевает, Агриппа? – спрашивал себя Гуго.

Урок прошел превосходно, а после него учитель, ученик и старик Агриппа уселись за столом, на котором дымилась жареная индейка, а рядом с ней лежал добрый окорок ветчины. Две широких кружки стояли под рукой у солдата, который осушил тотчас же одну, для начала.

– Надо очистить воздух, – сказал он и потом, щелкнув языком, прибавил: – Славное винцо!

После ужина, приправленного, как следует, обильными возлияниями белого и красного вина, Агриппа оглянулся кругом с таинственным видом и, положив локти на стол, сказал:

– Ну, приятель, мне сдается, что вы человек порядочный и обстоятельный, и что на вас положиться можно.

– Надеюсь!

– Надобно, значит, открыть вам секрет и вместе с тем попросить у вас услуги.

Он пошел к двери, затворил ее и вернулся на свое место.

– Сейчас я покажу вам приготовленную для вас комнату; надеюсь, вы будете ею довольны.

– О! лишь бы была хорошая постель, огонь в камине, да на столе кружка вина и кусок мяса на случай, если проснусь ночью, – больше ничего и не нужно: ночью я привык погрызть чего-нибудь, когда не спится.

– Все будет... Теперь приступаю к секрету.

Гуго, положив подбородок на руку, слушал обоими ушами.

– Ваша комната тут рядом, мы сейчас пойдем туда взглянуть, все ли готово; выходит она в коридор, ведущий к башне, которую вы, верно, заметили, когда подходили?

– Да, кажется, четверугольная башня, – сказал рейтар, – наливая себе стакан и осушая его залпом.

– Именно. Ну! в этой самой башне я спрятал свою казну.

– Как? – спросил солдат.

– Тс! увы! вся она в двух маленьких мешочках! Время теперь такое тяжелое! Я положил их в дубовом сундуке.

– Внизу башни?

– Ради Бога, потише! Мало ли злых людей шатается на свете!

– Разумеется.

– Я сам всегда сплю там же с пистолетами, чтоб кто туда не забрался; но посудите, какая беда! Именно сегодня вечером у меня назначено свидание в деревне по очень важному делу. Мне нужно кого-нибудь, кто бы за меня поберег мое сокровище. Из вашей комнаты хорошо слышно всё, что делается в башне. При малейшем шуме вы могли бы кинуться и позвать на помощь.

– На помощь? я-то, служивший на мальтийских галерах? Довольно будет вот этой руки и этой шпаги. Не даром меня зовут дон-Гаэтано де Гвардиано.

– Впрочем, если вам не хочется караулить, скажите слово, и я отложу свое свиданье до другого раза.

– За чем же? Оказать услугу кому-нибудь – страсть моя. Ступайте себе по делам, а я покараулю и, клянусь Богом! никто не подойдет близко к вашим деньгам, даю вам слово кастильца.

– А когда так, пойдёмте осмотреть место.

Гуго зажег фонарь и пошел впереди, за ним Агриппа, а поток испанец, положив руку на эфес шпаги Они прошли в молчании через комнату, потом через коридор и, войдя в башню, поднялись до лестнице в комнату, где стоял сундук.

– Вот и мои мешки, – сказал Агриппа, открывая крышку. – они легонькие... посмотрите... а все таки в них порядочный куш... Отдаю их на ваше охранение.

– Будьте покойны, – отвечал дон-Гаэтано, взвешивая их на руке, потом бросил их назад в сундук. Раздался металлический звук и глаза солдата сверкнули огнем.

– Дверь-то не совсем ладно затворяется, – продолжал Агриппа самым простодушным голосом; – дерево все источено червями... да и замок ненадежен... но вы будете близко – и мне нечего бояться.

– Еще бы! Я один стою целого гарнизона.

– Само Небо послало вас сюда...

– Ну, да! разумеется!

Все трое спустились назад по лестнице и Агриппа показал испанцу на столе в его комнате большую кружку вина и добрый кусок мяса.

– Постель ваша готова; не нужно ли еще чего? – спросил он у него. – Оказывая нам такую услугу, вы, надеюсь, не станете церемониться.

– Нет, благодарю; больше ничего не надо.

– Значит, я смело могу идти в деревню, где меня ждут?

– Хоть сейчас, если хотите, – отвечал дон-Гаэтано, расстегивая пояс.

– А завтра задам вам такой завтрак, что вы не скоро его позабудете! – вскричал Агриппа самым нежным тоном.

Они обнялись, Агриппа затворил дверь и ушел с Гуго.

– Начинаете понимать, граф? – спросил он.

– Да, немного; но ты увидишь, что твоя хитрость пропадет даром.

На другой день на заре, Агриппа и Гуго пошли в комнату испанца; в ней никого не было и дверь была отворена. Агриппа моргнул глазом и, взглянув на Гуго, сказал:

– Когда птичка вылетела из гнезда, значит – улетела за кормом.

– Послушай-ка, – сказал Гуго, схватив его за руку.

Из башни раздавались глухие проклятия. По мере того как они подвигались дальше по коридору, крики становились явственнее. В конце коридора они увидели, что люк открыт, и, нагнув голову над черной дырой, они заметили внизу, в темноте, человека, который ревел и бился.

– Как? это вы, дон-Гаэтано? – сказал Агриппа ласковым голосом. – Что это за беда с вами случилась? Я и то беспокоился, не найдя вас в постели... Она совсем холодная... Не дурной ли сон вас прогнал с неё? Или вы услышали какой-нибудь шум?

– Именно! – отвечал Гаэтано, сверкая взором. – Мне приснилось, что кто-то пробирается к вашим мешкам... я встал поспешно... и с первого же шагу в эту проклятую башню... обвалился в яму.

– Не очень зашиблись, надеюсь?

– Нет... не очень... Но вытащите меня поскорей... я продрог и не прочь отведать обещанного завтрака.

– Вот это умно сказано, господин гидальго; но этот завтрак вы получите, заплатив прежде выкуп.

– Выкуп, я?... Что это значит?

– Очень ясно и вы сейчас меня поймете, любезный друг.

Агриппа уселся поудобнее над самой дырой, свесив в нее ноги.

– Вы совсем не дурной сон видели, мой добрый Гаэтано, – сказал он, – и вовсе не шум разбудил вас, а просто пришла вам не в добрый час охота завладеть собственностью ближнего: чёрт попутал, должно быть, и – вот зачем вы забрались ночью сюда в башню.

– Клянусь вам всеми святыми рая...

– Не клянитесь: святые рассердятся. Сознайтесь, что если бы вы в самом деле вскочили с постели вдруг, неожиданно, то не успели бы одеться, как следует, с головы до ног, надеть шляпу, прицепить шпагу; ничто не забыто, ни сапоги, ни штаны, – хотя сейчас дать тягу!.. Ну, а как за всякое худое дело следует наказание, то выверните-ка ваши карманы, чтоб показать нам, что в них есть, и поделимся по-товарищески... Да и во всякой стране так уж водится, что побежденный платит штраф!

Дон-Гаэтано божился и клялся тысячью миллионов чертей, что у него в карманах не бывает никогда и шести штук серебряной мелочи.

– Ну, как хотите, – сказал Агриппа и, подняв люк, сделал вид, что хочет закрыть его. – Когда вы пообедаете и поужинаете мысленно, я приду завтра поутру узнать, не передумали ль вы, – продолжал он. – Ночь, говорят, хороший советник.

Испанец кричал и вопил, как бесноватый; Агриппа не обращал на это ни малейшего внимания. Пришлось сдаться. Мошенник вывернул карманы; в них-таки кое-что нашлось.

– Бросьте мне четыре пистоля, а остального мне не нужно, – сказал Агриппа; – я ведь не алчный.

Четыре монеты упали к его ногам.

– Поскорей теперь лестницу, – крикнул дон-Гаэтано.

– А вот ваш ученик, для которого всякое желание учителя закон... он и сходит за лестницей. Но прежде надо исполнить еще одну маленькую формальность.

– Формальность? какую это?... Говорите скорей, я озяб порядком.

– Остается только передать мне без разговоров вашу длинную шпагу и хорошенький кинжал, что висит у вас на поясе.

– Это ещё зачем?

– А затем, что вам может прийти в голову нехорошая мысль пустить их в дело, а из этого для вашей же милости вышли бы такие неприятности, память о которых осталась бы навсегда на вашей коже.

Дон-Гаэтано подумывал о мести и не решался отдать оружие.

– Ну, что же? – крикнул Агриппа: – Опускать люк или лестницу?

Единственное средство спасения показывало концы свои сверху в отверстие ямы; пленник тяжело вздохнул и, вынув из ножен шпагу и кинжал, подал их рукоятками Агриппе, который проворно схватил их.

– Славное оружие! – сказал он, осматривая их; – сейчас видна работа толедских оружейников, именно стоит такого кавалера, как ваша милость. – Потом прибавил, улыбаясь: – Я был уверен, что мы с вами поладим, а теперь, сеньор, можете выходить на свет Божий.

Лестница опустилась в погреб, а между тем Дракон и Фебея, прибежавшие вслед за Гуго, уставили черные морды в отверстие. Агриппа взял их за ошейники.

– Два неразлучных с нами приятеля! сказал, он.

Испанец вышел и пустился бежать.

Тогда Агриппа обратился к молодому графу и спросил его с улыбкой:

– Ну, теперь вы убедились, что ваш плащ не сам улетел со скамейки и что попадаются иногда на свете и скверные люди?

Отвечать было нечего, но одна вещь все-таки смущала Гуго.

– Зачем ты взял четыре пистоля у этого мошенника? спросил он.

– А затем, что их же я предложу в награду тому честному человеку, который не поддастся искушению.... Я ведь намерен продолжать этот опыт.... Утешительно было бы, если б хорошего и дурного вышло поровну!

Новый случай представился скоро. Агриппа не стал придумывать другого испытания и повторил ту же хитрость и те же речи. Новый прохожий выслушал все с таким же вниманием и ночью все обошлось так же точно, как и с Гаэтано. Пришлось опять приносить лестницу и тащить вора из погреба. Он, как Гаэтано, поплатился своим оружием; но с него взяли только шесть ливров, потому что в карманах у него было немного.

Три или четыре прохожих еще попались на ту же удочку и не дали бедному Гуго лучшего мнения о роде человеческом. Наконец, пятого застали в постели спящего блаженным сном. Агриппа насилу растолкал его, чтобы разбудить.

– Ах! – сказал он, протирая глаза, – извините, пожалуйста; до полуночи я караулил.... а потом сон одолел.... пойдете поскорей посмотреть, не случилось ли чего с вашим сундуком.

– Не нужно. Пойдемте лучше завтракать и когда поедим, вы увидите, что иногда недурно быть и честным человеком.

Его посадили перед сытным и вкусным завтраком, и когда он кончил, Агриппа вынул из кармана с полдюжины новеньких желтых и белых монет, которые так и блестили на солнце, и сказал:

– Вот вам за труды от молодого графа и если случится вам когда-нибудь еще проходить мимо, не забывайте нашего дома!

– Забыть! – вскричал тронутый солдат, – забыть такой дом, где прохожим дают не только славную постель и хорошо их кормят и поят, да еще дают и денег на дорогу! Одного я только боюсь, – чтобы хозяева скоро не разорились совсем и не заперли дверей.

– Ну, этого не бойтесь, приятель: мы так устроили дело, что раздаем только то, что сами с других получаем.

Когда солдат ушел, Агриппа обратился к Гуго, который не пропустил ни одного слова из их разговора, и спросил:

– Вы сосчитали? я дал всего четыре, а получил тридцать. Вот вам и пропорция между добром и злом! Будьте же вперед менее доверчивым.

Случилось как-то, что проезжал солдат высокого роста на поджарой лошади и Агриппа зазвал его отдохнуть на целые сутки.

Никогда еще не бывало в стенах замка человека с такой огромной шпагой и с такими густыми усами, – просто два кустарника. Руки у него были все в волосах, уши красные, шея воловьья, брови сросшиеся, а лицо – квадратное, как у бульдога. При этом, он хотя и смахивал на разбойника, а было в нем и что-то дворянское.

– Ну, уж если этот не свалится в погреб, – сказал Агриппа своему воспитаннику, – то наружность, бывает, значит, иногда и обманчива.

Когда приезжего привели в фехтовальную залу, он показал себя мастером владеть и шпагой и кинжалом. Он осыпал Гуго ударами, но и сам получил несколько таких, которые его удивили. Лицо у него разгорелось.

– Как! – вскричал он, – вот первый раз случается, что воробей клюет сокола!

Он начал снова, но сердился и тем самым терял выгоды своего превосходства над молодым учеником. Удар концом прямо в грудь привел его в бешенство. Гуго, в восторге от своей ловкости, не мог скрыть этого.

– Если б у меня в руках была добрая шпага, вместо этой дряни, – воскликнул его противник, – ты бы не-то запел, молодой петушок!

– А зачем же дело стало? – возразил Гуго, разгорячась тоже и оба уж бросились было к оружию, висевшему на стене.

– Полно! довольно! – крикнул Агриппа громким голосом.

Оба повиновались. Агриппа пропустил Гуго впереди себя и вышел, а за ними пошел великан, рыча как собака, у которой отняли кость.

Агриппа привел его в нижнюю комнату и предложил закусить. Солдат осушил залпом два или три полных стакана; широкий рот его раскрывался, как пропасть, и вино исчезало в нем, как в колодезе. В промежутках между стаканами из него вырывались проклятия.

«Дело плохо», – подумал Агриппа, и сделал знак Гуго, чтоб он ушел.

Мальчик вышел, как ни в чем не бывало. Агриппа, в свою очередь, объявил, что должен кое-чем распорядиться, и тоже ушел. Он хотел послать кого-нибудь на деревню за помощью и попросить графиню, чтоб она не выходила из своих комнат.

Оставшись один, великан, все еще сердясь на последний ловкий удар мальчика, отворил окно, чтоб подышать свежим воздухом. Он увидел, что Гуго проходит по двору и, выпрыгнув из окна, побежал к нему. Услышав стук его толстых сапог по твердому песку, Гуго обернулся и подождал.

– Вы от меня ушли, приятель, – сказал рейтар, – а к этому, клянусь честью, не привык капитан Бриктайль. За вами две игры!

Он засмеялся. Гуго смотрел на него, не говоря ни слова. Вдруг, переменив тон, великан сказал ему:

– У вас прехорошенький перстень.... Можно посмотреть?

Гуго доверчиво протянул ему руку. Бриктайль схватил ее, живо сорвал перстень и, полюбовавшись немного его блеском на солнце, надел себе на палец.

– А ведь как раз впору, не правда ли? Спасибо!

Сын графа Гедеона мгновенно побледнел.

– Вы толкуете еще о вежливости, – вскричал он, – а сами-то как поступаете?

Бриктайль пожал плечами.

– Да ведь, если б я у вас попросил этот перстень, – все равно вы бы мне его отдали?

– Разумеется, нет!

– А вот потому-то я и взял его сам. Хотите получить назад, попробуйте сделать то же.

Гуго, вне себя, бросился на бандита. Но Бриктайль этого ожидал и навязывался на ссору; он с такой силой сжал его в своих длинных руках, что у Гуго кости затрещали. Обезумев от боли, он до крови укусил великана за руку.

– А! волчонок! – крикнул Бриктайль, выпустив его.

Он выхватил из ножен свою шпагу; Гуго схватил попавшуюся на земле палку и ждал его твердо. Первым же ударом Бриктайль разрубил пополам эту палку; он и не думал остановиться, как вдруг две злых собаки бросились из глубины двора с лаем и раскрытыми пастьями. Бриктайль едва успел отскочить назад.

– Бери, Дракон! хватай Фебея! – кричал Агриппа появляясь вдали с мушкетами.

Бриктайль отступал, удерживая шпагой страшных псов, которые не отставая, кидались на него, как бешеные. Уже плащ, которым он обмотал себе левую руку, был в клочках, и он чувствовал у себя на ногах горячее дыхание собак, но, увидев за собой дерево, он отчаянным скачком вспрыгнул на ветку. Дракон и Фебея бегали с воем кругом дерева, поднимались на ствол передними лапами и красными глазами грозили еще солдату.

Агриппа в одну минуту побежал к ним.

– А если я вам раздроблю голову из этого мушкета, разве я буду не прав? – крикнул он Бриктайлю сердитым голосом. – Будь вы на моем месте, вы бы так и сделали!.. Но вы – мой пленник.... Я лучше подожду.... Когда-нибудь да придется ж вам сойти вниз.

Стоя на большой ветке, Бриктайль смотрел вокруг, куда бы бежать, откуда бы защищаться; ничего кругом, кроме голого ровного двора, а под деревом две собаки, не спускающие с него глаз. Вздумай он соскочить – и в ту же минуту их крепкие челюсти вопьются ему в шею.

– Гром и молния! – вскричал он.

– Попались, – возразил Агриппа. – Надо сдаваться.

– На каких условиях?

– Прежде всего – вот этот перстень, что вы украли.

– Просто шутка!.. Я с тем и взял его, чтоб отдать назад... Вот он.

Он снял с пальца перстень Гуго и бросил в шляпу Агриппе.

– Теперь – вашу шпагу и ваш кинжал.

– А если я поклянусь вам, что не пущу их в дело?

– А я буду гораздо покойней, когда шпага и кинжал не будут больше у вас в руках.

Бриктайль прикусил себе губы и, обратясь к Гуго, который смотрел на всю эту сцену, сложив руки, спросил его:

– Что вы на это скажете? я увидел герб на вашем перстне и принял вас за дворянина!

– Именно потому, что я дворянин, я и вижу, что вы не дворянского рода.

– Что ж ты принимаешь меня за незаконнорожденного, что ли, комар ты эдакий?

Гнев опять овладел им и он смерил глазом расстояние до земли и уж совсем было приготовился спрыгнуть вниз, но в эту минуту он увидел бегущих из-за стены, целой толпой, крестьян с косами, топорами и копьями, а от них он уж наверное не спасся бы, если б даже и одолел Агриппу, Гуго и обеих собак.

Проклятие вырвалось у него, и, выхватив из ножен шпагу и кинжал, он с силой швырнул их на песок.

– Теперь можете и сойти! – крикнул ему Агриппа, поднимая брошенное оружие.

Собак он взял за ошейники, и они только рычали.

В одну секунду солдат соскочил с дерева и, став прямо против Гуго, посмотрел на него молча. Его лицо, только что пылавшее диким гневом, вдруг стало бесстрастным и на нем показался какой-то отблеск благородства. Потом, подняв руку и отворотив рукав, он показал кровавую рану и сказал:

– Вот тут у меня остается такой знак на память, которого я не забуду. Клянусь вам честью дворянина, а я – дворянин, можете мне поверить – постарайтесь лучше никогда не встречаться со мной.

И выпрямившись во весь рост, с надменным видом, он прибавил:

– А теперь, прикажите меня выпустить!

– А вот там дверь! – отвечал Агриппа, указывая на угол. – Но позвольте мне проводить вас: там есть люди, которые могли бы напасть на вас, если б меня не было с вами.

Когда дверь отворилась, Бриктаиль увидел, что в самом деле такая предосторожность не была лишней. Его окружило человек тридцать, готовых на него броситься, но Агриппа сделал знак рукой:

– Этот господин сознался, что был неправ... Теперь это – ягненок... Нам остается только, друзья мои, пожелать ему счастливого пути – но не мешает ему подальше обходить дубы, какие ему могут попасться на дороге: как раз на одном из них он рискует когда-нибудь повиснуть.

Взрыв смеха отвечал ему.

– А, каналы! если б только у меня была шпага! – проворчал рейтар и тотчас же принял опять невозмутимый вид, бросив на крестьян взгляд, полный презрения.

Полоумный малый, бывший все еще на службе у графа де-Монтестрюка, подвел поджарую лошадь пандура. Он сел верхом, не спеша, и поехал, высоко подняв голову, но весь зелёный от гнева и с пылающим взглядом.

Когда он завернул за угол стены, Агриппа положил руку на плечо графу Гуго и сказал:

– Вот вам первый враг!

VII

Гостиница Красной Лисицы

Во время прогулок молодой граф почти никогда не расставался с отысканным им в деревне мальчиком-сиротой. У бедняка не было ни родни, ни пристанища и Гуго, приютив его, нашел себе не только преданного слугу, но и друга. Звали его Коклико за красный цвет волос.

Малый был вообще очень некрасив и неуклюж: большая голова на узких плечах, длинные руки, худые ноги, все тело будто развинченное, пресмешной нос, маленькие глазки на круглом как вишня лице; но за доброту и за услужливость все забывали о его безобразии. Перед Гуго Коклико благоговел; Гуго был для него больше, чем идол, он был – великий человек.

Дружба их началась как-то раз в зимний вечер: в углу под забором маленький Гуго – ему было тогда лет десять – нашел полузамерзшего Коклико, лежащего рядом с большой связкой хворосту, слишком тяжелой для его слабых плеч. Ноги у него были голые, в разбитых деревянных башмаках, руки посинели. Сердце, у Гуго сжалось от сострадания; ни просьбами, ни убеждениями он ничего не мог добиться от бедного мальчика; взвалил его к себе на плечи, кое-как дотащил до Тестеры и положил к себе на кровать. Тепло оживило бедняжку, и как только он открыл глаза, прежде всего увидел возле себя чашку горячего супа.

– А, ну-ка, поешь, – сказал ему Гуго.

Мальчик взял, как сонный, деревянную ложку и съел суп, не говоря ни слова, но когда он понял наконец, что еще жив, глаза его наполнились слезами и, сложивши руки, он сказал:

– Как же это? на вас такое славное платье, а вы приняли участие в таком оборванце, как я!

Платье на Гуго было далеко не славное, а из толстого сукна, но на нем не было ни дыр, ни пятен, и оно показалось великолепным бесприютному мальчику.

Эти слова тронули Гуго и он понял, до какой нищеты дошел этот сиротка.

– Подожди, – сказал он ему: – ты бросишь эти лохмотья, а матушка даст тебе хорошее платье, в котором тебе будет тоже тепло.

Графиня де Монтестрюк тотчас же исполнила желание сына; Коклико одели с головы до ног. Потом она отвела Гуго в сторону и сказала ему:

– Ты спас ближнего, а теперь, дитя мое, на тебе лежит забота об его душе.

– Как это?

– Ты должен заботиться об этом несчастном, который поручен тебе Провидением, и не допускать, чтоб он бродил бесприютным и беспомощным.

– Что же мне делать?

– Подумай сам и после скажи мне, что придумашь.

Гуго потер себе лоб и стал думать, а вечером за обедом сказал матери:

– Кажется, я нашел средство.

– Посмотрим, какое?

– Дурачок, который живет у нас из милости, не в силах справиться со всеми работами по дому: надо и дров нарубить, и воды накачать, и за припасами сходить, и в саду работать, и трех коров гонять в поле, и фрукты уложить, и хворосту принести, да мало ли еще что! Коклико примется за всё: у него доброе сердце и от работы он сторониться не станет. Таким образом он будет зарабатывать себе хлеб и не будет жить милостыней, которая еще, может статься, не привела бы его к добру. А я стану его учить читать.

– Прекрасно, дитя мое! – сказала графиня, обнимая сына: – с сегодняшнего вечера Коклико может спать у нас в доме.

Коклико, не чувствуя больше ни голода, ни холода, вообразил, что он в раю.

Когда ребенок перенес столько лишений, сколько их выпало на долю Коклико, и не умер, – значит, у него железное здоровье и он силен, как жеребенок, выросший на воле, на лугу. Коклико работал в Тестере за взрослого человека. Он также охотно пользовался и уроками, которые Гуго давал ему с большим усердием и с аккуратностью старого учителя. Но забивать себе в голову буквы и учиться читать по книге, проведя столько лет на вольном воздухе, не очень-то легко. Коклико бил себя кулаками по голове и приходил в отчаяние перед этими таинственными знаками, изображавшими звуки и понятия.

– Ничего не понимаю! – говорил он со слезами: – такой уж я болван!

Эти четыре слова засели у него в голове и он почти всегда начинал ими фразу:

– Я такой уж болван!..

А между тем, он только казался добряком и дурачком: в сущности он был хитер – как лисица, ловок – как обезьяна и проворен – как белка. Не нужно было повторять ему два раза одно и то же. Он всё понимал с полуслова и всё замечал отлично.

Скоро он и доказал это.

Раз случилось, что Гуго, который ничего не боялся, вздумал перейти выступившую из берегов речку, чтоб достать в яме карпов; вдруг он потерял дно и хотя умел плавать как рыба, но его унесло течением, он запутался в траве и едва не утонул.

Коклико, увидев беду, бросил лодку, поплыл и вытащил из воды Гуго уже без чувств. Вблизи были мельники; они бросились на помощь и окружили Гуго, которого Коклико положил на берегу. Советы посыпались со всех сторон. Наиболее сообразительные хотели уже повесить его за ноги, головой вниз, чтоб из него вылилась вода, которой он наглотался. Коклико протестовал.

– Хорошо лекарство! и здорового-то оно убьет, а больному какая может быть от него польза? – вскричал он.

– Так что же с ним делать!

– Я такой уж болван, а вот что мне кажется... тут не в воде дело, что он проглотил... и вы сами не стали бы пить, если б вас окунуть с головой в реку – ему просто не достает воздуха. Надо, значит, чтоб он вздохнул, да чтоб он согрелся, а то он совсем холодный.

И не теряя ни минуты, Коклико унес Гуго, раздел его и положил у огня так, чтоб голова была повыше.

– А теперь, дайте-ка поскорей водки!

Его слушали, сами не зная, почему. Наливши водки на шерстяную тряпку, он принялся изо всех сил растирать утопленника. Мельники взялись тоже, кто за ногу, а кто за руку. Коклико раскрыл все окна, чтоб было побольше воздуха. Наконец, грудь Гуго поднялась, и он раскрыл глаза. Первым движеньем Коклико было броситься ему на шею.

– Вот как, – сказал он, – надо спасать утопленника; хоть я и болван, а додумался до этого сам собой.

Гуго подрастал и становился совсем уж большим. Герцог де Мирпуа, навещавший их от времени до времени в Тестере, дал ему позволение охотиться за кроликами в его лесах, и Гуго пользовался этим позволением, как хотел: то ставил силки в кустах, то сторожил кроликов с луком и стрелой... Эта охота была для него любимым отдыхом от занятий; Коклико всегда был при нем.

Раз, как-то вечером, они стояли на опушке леса и мимо их проехал верхом господин с большой свитой. Это был человек большого роста и важного вида, лет тридцати; все знали, что у него горячая голова и что он скор на руку; горд он был, как эрцгерцог, и ни перед кем не стеснялся. Звали его маркиз де Сен-Эллис; он то именно купил у жидов-барышников замок Монтестрюк, заложенный им графом Гедеоном. В самую минуту их встречи, Гуго опускал в сумку штук пять убитых им кроликов.

Маркиз остановился и крикнул, важно подбоченясь:

– А сколько тут кроликов украдено?

– Ни одного не украдено, а поймано много, – возразил Гуго, поднимая голову.

– Я уж на что болван, а не ответил бы ни слова, – проворчал Коклико.

– Это герцог де Мирпуа позволил тебе бродяжничать по своей земле? – продолжал маркиз, между тем как Гуго закрывал сумку.

– Он самый, и я не понимаю, зачем вы мешаетесь не в свое дело?

– Э! да собачонка, кажется, лает! А после еще и кусаться станет! – сказал маркиз презрительно. – Ну, не стыдно ли пускать на свою землю такого негодяя, как ты?

– Стыдно тому, кто, сидя на лошади, оскорбляет пешего, да еще когда их десять против одного.

– Ах, ты дерзкий! – вскричал маркиз и, обратясь к одному из окружавших его людей, сказал:

– Пойди-ка, надери уши этому мальчишке!

– Вот этого-то я и боялся! – прошептал Коклико и прибавил тихо товарищу:

– Бегите же теперь скорей.

Но Гуго уперся покрепче на ногах и поджидал посланного человека; он подпустил его к себе и в ту минуту, как тот поднимал уже руку, чтоб схватить его, Гуго отскочил в сторону, подставил ему ногу и сильным ударом кулака прямо в грудь – сбросил его кувырком в ров.

– Что вы на это скажете, маркиз? – спросил он. – У мальчишки есть и зубы!

– А вот я ему их выбью! проревел маркиз в бешенстве и, выхватив пистолет из кобуры, выстрелил; но Гуго успел отскочить вовремя.

– Не попали! – вскричал он, смеясь – Вот я когда стреляю, так всегда попадаю.

И прежде, чем маркиз мог догадаться, что он хочет делать, Гуго вскочил на бугор и положил стрелу на лук:

– Берегите шапку, маркиз; я не убиваю, а только заставляю невеж мне кланяться.

Стрела просвистела и, как стрела Вильгельма Телля сняла когда-то яблоко с головы сына, так и стрела Гуго свалила на землю алую шапку с меховой опушкой, бывшую на голове у маркиза.

Маркиз испустил яростный крик и, дав шпоры коню, хотел броситься на Гуго, но этот не зевал: одним скачком он бросился в лес, который по густоте своей был недоступен лошадям. Прежде, чем маркиз взобрался на бугор, бывший между ними, Гуго уже скрылся и догнал Коклико, который бежал раньше, прихватив и сумку с кроликами. Ветер сильно раскачивал деревья и кустарник, и оба товарища исчезли, как волчата, не оставив за собой никаких следов.

Маркиз тщетно искал на опушке леса хотя бы малейшую тропинку, чтобы броситься в погоню за беглецами; ветки били его по лицу, густая листва слепила глаза, острые шипы кололи со всех сторон.

– Мы еще увидимся! – крикнул он наконец громовым голосом.

– Надеюсь! – отвечал ему голос издали, донесясь по ветру через волны качающихся веток.

Гуго и маркиз должны были, в самом деле, встретиться.

В день рожденья и именин, Гуго, с позволения матери, собирал своих товарищей, бродил с ними по полям и потом угощал их в какой-нибудь гостинице.

В Иль-ан-Ноэ была в то время гостиница, куда собирался народ во дни ярмарки; она соперничала в славе с Золотым Карпом в Сен-Жан-ла-Контале. Гуго выбрал как раз эту самую гостиницу Красной Лисицы, чтобы погулять в ней с друзьями, и заказал хороший обед, удалив с гордостью по карману, в котором звенели деньги, положенные Агриппой. Пока ставили кастрюли на огонь и накрывали стол, он побежал по деревне собирать лучший виноград и самые спелые фрукты на шпалерах.

Между тем подъехал маркиз де Сент-Эллис с собаками и с охотниками; с ним было двое или трое друзей и все они сильна шумели. Смуглый красавец-конюший, с грустным и гордым

лицом, закутанный в белый шерстяной плащ, соскочил с лошади, взяв за узду лошадь маркиза, помог ему сойти.

Войдя в гостиницу с друзьями и с конюшим, маркиз закричал, стуча ручкой хлыста по столу.

– Ну, вы там! обедать! да поскорей! А ты, Кадур, забудь законы своего пророка против вина, ступай в погреб и принеси нам по больше старых бутылок из тех, что хозяин, как хороший знаток, прячет за связками хвороста.

Араб, не отвечая ни слова, медленно вышел.

Маркиз в эту минуту увидел накрытый скатертью стол и расставленные тарелки. Девушка с голыми руками принесла суповую чашу, из которой выходил аппетитный пар.

– Чёрт возьми! – сказал маркиз, – это просто волшебство какое-то, нам и ждать было некогда.

И он храбро сел за стол и протянул стакан, чтоб ему налили пить.

Служанка немного было замялась, но, получив поцелуй в щеку и деньги в руку, ушла улыбаясь.

– А мне что за дело? – сказала она; – пусть сами разбираются, как знают!

Когда Гуго возвратился и увидел, что за его столом сидят уже другие, он очень вежливо заявил свои права.

– Идите своей дорогой, любезный! – отвечал, не глядя на него, маркиз с набитым ртом.

– Господи! маркиз! – сказал Коклико, узнавши с трепетом его голос.

Но Гуго повторил свои слова настоятельней: он заказал обед, он заплатил за него; обед принадлежит ему. Маркиз обернулся и узнал его.

– Э! – сказал он, меряя его глазами, – да это – охотник за кроликами:

– Пропали мы! – прошептал Коклико.

А маркиз, наливая свой стакан, продолжал невозмутимо:

– Ну, счастлив твой Бог, что ты являешься в такую минуту, когда я вкусно ем и не хочу сердиться! Обед очень не дурен... И за это славное вино я, так и быть, прощаю тебе обиду там, на опушке леса... Бери же себе кусок хлеба и убирайся!

Кадур вошел в эту минуту и, проходя мимо Гуго, сказал ему тихо, не смотря на него:

– Ты слабей, чем он, смолчи... молчанье – золото.

Но Гуго не хотел молчать; он начинал уже горячиться. Коклико тащил его за рукав, но он пошел прямо к столу, и, ударив рукой по скатерти, сказал:

– Все, что есть на ней, принадлежит мне; я своего не уступлю!

– Я такой уж болван, когда сила не на моей стороне, я ухожу потихоньку, – шептал Коклико. – Черномазый-то конюший – истинный мудрец!

На этот раз и маркиз разразился гневом. Он тоже ударил кулаком по столу, да так сильно, что стаканы и тарелки зазвенели, и крикнул, вставая:

– А! ты хочешь, чтоб я вспомнил старое?... Ну, хорошо же! Заплатишь ты мне разом я за то, и за это!

– Ну, теперь надо смотреть в оба! – проворчал Коклико, засучивая рукава на всякий случай.

Маркиз сделал знак двум слугам, которые бросились на Гуго; но он был сильнее, чем думали, и одним ударом свалил обоих на пол.

Кадур подошел скорым шагом к маркизу и сказал:

– Не позволит ли мне господин поговорить с этим человеком? Он молод, как и я, и может быть...

Но маркиз оттолкнул его с бешенством и крикнул:

– Ты! убирайся, а не то я пришибу и тебя, неверная собака!

И обращаясь к слугам:

– Схватить его, живого или мертвого!

Охотники бросились на Гуго; Коклико и несколько товарищей кинулись к нему на помощь; слуги друзей маркиза вмешались тоже в общую свалку. Один Кадур, сжав кулаки, держался в стороне. Посредине залы, между опрокинутыми стульями, удары сыпались градом. Сидевшие за столом громко смеялись. Товарищи Гуго были и ростом меньше его, и гораздо слабей; некоторые бросились вон; другие, избитые, спрятались по углам; Коклико лежал уж без чувств на полу. Гуго должен был уступить силе и тоже упал. Все платье на нем было в клочках; его связали веревками и положили на скамье.

– А теперь – моя очередь, сказал маркиз; – такой скверный негодяй, как ты, стоит хорошего наказания... Вот тебя сейчас выпорют, как собаку.

– Меня! – крикнул Гуго и сделал отчаянное усилие разорвать давившие его веревки.

– Ничего не сделаешь, – возразил маркиз: – веревки вопьются тебе в тело прежде, чем лопнут.

И в самом деле, вокруг кистей его рук показались красные полосы, а самые руки посинели.

Между тем, с него сорвали платье и ремнем привязали ему крепко ноги и плечи к скамье, растянув его спиной кверху.

Один из охотников взял в руки длинный и гибкий ивовый прут и несколько раз свистнул им по воздуху.

– Бей! – крикнул маркиз.

Глухой стон, вырванный скорей бешенством, чем болью, раздался за первым ударом. За третьим – Гуго лишился чувств.

– Довольно! – сказал маркиз и велел развязать ремень и веревки и прыснуть ему в лицо водой, чтоб принести в чувство.

– Вот как наказывают школьников, – прибавил он.

– Маркиз, – сказал Гуго, устремив на него глаза, налитые кровью, – напрасно вы меня не убили: я отмщу вам.

– Попробуй! – отвечал маркиз с презрением и сел снова за стол.

Гуго возвращался в Тестеру, как помешанный. Жилы у него надулись, виски бились, в голове раздавался звон. Он спрашивал себя, неужели все это было с ним в самом деле: эта встреча, брань, борьба, розги?... Он весь вздрагивал и крики бешенства вырывались у него из груди. Коклико тащился кое-как, вслед за ним.

Когда Гуго прошел уже мимо последних домов деревни, он услышал за собою шаги бежавшего человека. Он обернулся и узнал араба; белый бурнус его развевался по ветру; он скоро догнал Гуго и, положив руку ему на плечо, сказал ему:

– Ты был храбр, будь теперь и терпелив. Терпенье – это червь, подтачивающий корни дуба, это капля воды, пробивающая скалу.

Он снял свою руку с плеча Гуго и бросился назад, завернувшись в широкие складки своего бурнуса.

Агриппа первый увидел Гуго и был испуган выражением отчаяния на его лице; прежде, чем он раскрыл рот, Гуго сказал ему:

– Оставь меня, я прежде хочу говорить с матушкой.

Он побежал к ней в комнату. Графиня ахнула, взглянув на него: пред ней стоял граф Геден, каким он бывал в минуты сильного гнева. Гуго бросился к ней и хриплым голосом, без слез, с глухим бешенством рассказал ей все, что случилось в гостинице Красной Лисицы, спор, борьбу, удары и обморок свой, заключивший порку.

Графиня де Монтестрюк страшно побледнела. Она схватила сына за руку и спросила:

– Ты отмстишь за себя?

– О! да, клянусь вам!

– Не клянись! я это вижу по твоим глазам... но – подожди!..

Это слово, напомнившее ему слово Кадура, заставило Гуго подскочить на мест.

– Ждать!.. когда там наверху есть десяток шпаг, не считая той, которая висит в головах моей кровати и покрыта пятнами крови по самую рукоятку!

– Подожди, говорю я тебе: месть – такое кушанье, которое надо есть холодным.

Графиня положила руку на голову сына, подумала с минуту и продолжала:

– У тебя течет в жилах благородная крови следовательно, ты должен мстить со шпагой в руке, это ясно. Но ты не должен пасть в этом поединке первым! Что случилось бы со мной, если б он убил тебя, этот маркиз? он взял бы у меня еще сына после замка!! нет!.. нет!.. Но если бы и ты всадил ему шпагу в грудь, и этого было бы еще мало!.. Где же было бы страданье, где ж было бы унижение?... Что ты сам перенес, надо, чтоб и он перенес это же самое и таким же точно образом.

– Но как же это сделать?

– Случай хоть и хромает, но все-таки приходит!.. Когда человек с твоим именем получает благодеяние, он воздаст за него сторицей; когда он получает оскорбление, он возвращает его вчетверо!.. Несколько месяцев позднее или раньше, что-ж это значит? Карауль, ищи; своим терпением ты еще докажешь, что у тебя воля и долгая, и упорная... Готовься... не отдавай ничего случаю... думай только о том, как бы победить... И знаешь-ли, почему я говорю тебе с такой суровостью, сын мой? Потому, что ты носишь имя, у которого нет другого представителя и защитника, кроме тебя, и ты один отвечаешь за это имя; потому, что твой долг – передать его без пятна тем, кто родится от тебя, таким точно, каким ты получил его от своего отца, умершего со шпагой в руке, потому, что ты только еще вступаешь в жизнь и дурно бы вступил в нее, если б не отмстил тому, кто нанес тебе смертельное оскорбление... Надо, чтобы по первому же твоему удару все узнали, от какой крови ты производишь... Да! моим голосом говорит тебе дух отца твоего... Повинуйся ему... Маркиз этот, говорят, опасный человек... надо, значит, чтобы рука твоя приучилась еще лучше владеть шпагой, надо изучить все уловки... Ищи средств, составляй план; а когда придёт час, когда ты будешь уверен, что он у тебя в руках, – тогда вскочи и порazi!

Из всего страшного отчаянья, подавлявшего Гуго еще за минуту, на лице у него осталась только синеватая бледность, да сверкающая молния в глазах. Волнение улеглось в нем окончательно.

– Вы будете довольны мной, матушка, сказал он: я буду ждать и поражу.

VIII

Комедия и трагедия

Прошел день, и можно уж было подумать, что сын графа Гедеона совсем забыл о происшедшем в гостинице Красной Лисицы. Он не говорил об этом ни с кем, даже с Коклико. Когда кто-нибудь из бывших при этом делал какой-нибудь намек, Гуго делал вид, что не слышит, или разговаривал о другом. Однако он рассказал обо всем и поверил свои планы Агриппе.

– Графиня права, – сказал старик, выслушав все внимательно: – толковать о мщении – значит давать ему выдохнуться и разлететься дымом, а молчать – значит обдумывать его и давать ему укорениться... С тому же, зачем и предупреждать своего врага?... особенно, пока сила на его стороне!

Теперь еще чаще бывали они в зале, где собрано было всякого рода оружие. Коклико ходил с ними и туда и все удивлялся, к чему это они фехтуют с таким усердием; но он так уже привык подражать во всем Гуго, что и сам часто снимал шпагу со стены и тоже набивал себе руку.

Иногда Гуго требовал, чтоб он становился рядом с Агриппой и чтоб они бились вдвоем против него одного. Удваивая внимательность, Гуго успевал иногда сладить с ними, благодаря своей ловкости и проворству.

– Bravo! – кричал Агриппа в восторге.

– Ах! – отвечал Гуго с оттенком неудовольствия, – все еще это не то, что Бриктайль!

– Да нет же! совсем нет! – возражал Коклико, которому и в ум не могло прийти, чтоб Гуго уступал кому бы то ни было в свете, даже самому богу Марсу.

Прошло года полтора со времени происшествия в гостинице Красной Лисицы, когда Гуго, не пропускавший ни одного случая узнавать потихоньку о привычках и образе жизни маркиза де Сент-Эллиса, созвал к себе всех, кто был с ним тогда в Иль-ан-Ноэ, и сказал им:

– Друзья мои, вы не забыли, что случилось с нами в Красной Лисице, когда мы встретили маркиза де Сент-Эллиса?

– Разумеется, нет, – вскричали все разом.

– Хорошо! я вспоминаю об этом каждый день и каждый час, и теперь говорю с вами для того именно, чтоб узнать, хотите ли и вы вспомнить вместе со мною? Ты, Жаклен, что думаешь?

Жаклен отделился от прочих и, подойдя ближе, отвечал:

– А я не говорил никогда об этом с вами потому только, что вы сами, казалось, об этом не думали... Мне же эта история приходит на ум беспрестанно... Она лежит у меня камнем на сердце. Подумайте только! я хромал после этого целых шесть недель!

– Значит, если б вам предложили отплатить маркизу око за око, зуб за зуб, вы согласились бы?

Раздался один крик:

– Все! все!

– И предоставите вы мне всем распоряжаться, мне, больше всех потерпевшему от наглости и злобы проклятого маркиза?

– Да! да!

– И поклянетесь вы повиноваться мне во всем, как солдаты своему командиру?

– Клянемся!

– И идти за мной всюду, куда я поведу вас?

– Всюду!

– Хорошо! надейтесь же на меня, как я на вас надеюсь!

Как только он это произнес, перед ними появился на дорожке бродячий фигляр с медведем на цепи. Трудно было решить, кто больше жалок, человек – или медведь: первый был оборванный, плащ на нем был весь в лохмотьях, на голове какие-то остатки шапки; на втором облезла вся шерсть и ребра торчали наружу.

Бедняга, увидев толпу молодых людей, потянул медведя за, цепь и, подняв палку, заставил его прыгать. Медведь плясал неохотно; сам хозяин тоже был невесел. На спине у него болтался пустой мешок. По впалым щекам было видно, что он не каждое утро завтракает и не каждый вечер ужинает. У Коклико сердце сжалось при виде этого несчастного и, взяв в руки шляпу, он вздумал собрать милостыню между товарищами.

– Подайте этому бедняку и его товарищу, – говорил он.

Каждый достал из кармана, что мог, кто медный грош, а кто кусок хлеба. Когда шляпа была полна, Коклико высыпал собранное в мешок фигляра. После всех Коклико подошел к Гуго, который бросил в шляпу серебряный экю. Никогда бедняге и не грезилось такого праздника. Прежде всего, поблагодаривши всех, он разнуздал медведя и отдал ему половину отложенного в сторону большого куска хлеба, к которому он прибавил два или три яблока.

– Вот и видно добрую душу! – сказал Коклико.

Медведь присел на задние лапы и, взяв в передние кусок хлеба и придерживая ими яблоки, принялся преисправно есть, тихо и без шума. Маленькие глаза его сияли удовольствием.

– О! подойдите смело, – сказал фигляр, заметив, что все общество держалось подальше с тех пор, как он расстегнул пряжку намордника; – он парень не злой и ничего вам не сделает.

Кое-кто подошел, а Коклико, желая доказать свою храбрость, погладил рукой по шерсти; медведь не зарычал, а посмотрел на него, как будто говоря: «Я узнаю тебя: ты собирал для нас подавание!»

– Не бойтесь, – продолжал фигляр, садясь рядом с медведем, – Виктор и я – Виктором зовут моего товарища – мы народ честный и совершенно к вашим услугам; мы умеем быть благодарными, и если вам случится нужда в нас когда-нибудь, вы нас всегда найдете.

– А кто знает! – сказал Коклико.

Два дня спустя, Гуго, еще обдумав свой план, опять собрал своих товарищей.

– Маркиз приезжал к нам, – сказал он; мы должны отдать ему визит. Он съел наш обед в Красной Лисице – хотите-ли, съедим и мы его ужин в его замке Сен-Сави?

– Хотим! хотим! – крикнули все, в восторге от одной мысли съесть ужин маркиза.

– Итак, завтра утром будьте готовы на рассвете и идите за мной!

Назавтра все сошлись на сборное место; все были выбраны из числа самых решительных. Гуго сделал им смотр и предупредил их, что игра будет серьезная и может кончиться смертью.

– Итак, если кто-нибудь из вас не хочет идти до конца, еще время есть, пусть выйдет из рядов и уйдет домой... Я сердиться не буду...

Никто не тронулся.

Уверившись, что ни один из них не убежит, Гуго повел их прямо в заброшенный старый домишко, показал в углу, под соломой, целый ворох разных потешных костюмов и велел переодеться. Каждый надел, что попало под руку. Нарядившись в платья, в чепчики, в кофты, в плащи всяких фасонов и цветов, молодежи походила на труппу фигляров или цыган-гадалщиков.

Молодые люди хохотали, глядя друг на друга. Между этими нарядами ярмарочных комедиантов было столько париков и фальшивых бород, что, напялив их, все они были неузнаваемы.

– А теперь, – сказал Гуго, – поищите в другом углу и спрячьте под платье оружие, что там приготовлено.

Здесь за разобранными бочками было спрятано столько кинжалов и пистолетов, что каждый мог выбрать себе всё, что ему нравилось.

Это еще было не все. Тут же нашлось множество разных музыкальных инструментов, которых достало бы на все кошачьи музыки в провинции.

– Разберите себе трубы и барабаны, – сказал Гуго, – тут особенного искусства не требуется... Вы сами увидите, что эти вещи нам тоже пригодятся.

Инструменты разобраны были со смехом и прицеплены рядом с оружием.

Как только все это было покончено, Гуго приказал:

– А теперь, нам пора и в путь!

Замок, в котором жил в это время маркиз, находился в глухом месте, в окрестностях Сен-Сави, и потому назывался тем же именем. Толпа весело повалила в ту сторону. На дороге не без удивления они встретили фигляра с медведем, которые как будто поджидали их за углом забора.

– А, Виктор! – сказал кто-то...

Компания еще больше удивилась, увидев, что медведь с хозяином двинулись вслед за ними и тем же самым шагом, как и они.

– Ну, это мне пришло в голову, – сказал Коклико со скромным видом.

– Тебе? такому болвану!

– Мне, такому болвану! Это-то именно мне и удивительно.

И развеселившийся Коклико повесил бубен на шею Виктору.

– Он участвует в экспедиции, – сказал он; – надо, чтоб он участвовал и в оркестре.

Дойдя до ворот замка, по приказанию начальника, толпа остановилась и, выстроившись в ряд, принялась бить в барабан, трубить в трубы и в дудки, играть на мандолинах и лютях, и притом с таким усердием и силой, что все слуги высыпали к окошкам.

Увидевши музыкантов, все население кухни, передней и конюшни испустило крик восторга и не устояло против искушения посмотреть поближе на эти странные вещи. Все бросились бегом на лестницы и к дверям, и в одну минуту были на дворе.

Гуго ожидал их невозмутимо, с огромной меховой шапкой на голове и в пестром плаще, совершенным царём-волхвом. Подле него Коклико, тоже в пресмешном костюме, бил в барабан.

Как только высыпала толпа слуг из замка, Гуго подал сигнал деревянным золоченым скипетром. Оркестр прибавил жару, а медведь, ободренный этим адским шумом, принялся плясать, выделывая с ловкостью и быстротой самые лучшие свои штуки.

Как только все развеселились, Гуго, увидев дворецкого, которого нельзя было не узнать по золотой цепи на шее и по важному и величественному виду, пошел к нему и, поклонившись самым почтительным образом, предложил сыграть комедию. Он хочет, прибавил он, показать свое искусство ему первому, и если человек с таким образованным вкусом будет доволен их игрой, то заплатит за труды, сколько сам захочет, а теперь пусть велит подать несколько кружек вина актерам, которые так счастливы будут повеселить его милость.

Польщенный этой речью, дворецкий улыбнулся, самым величественным шагом пошел впереди труппы и ввел ее в замок; медведь шел опять вслед, с бубнами в лапе.

Веселая компания очутилась в длинной галерее, из которой винтовая лестница вела на внутренний дворик, обнесенный со всех сторон высокой голой стеной. На стоявших в этой галерее столах скоро появились жбаны и кружки и вокруг них столпилась вся прислуга маркиза. Рядом, через большие стеклянные двери виднелся в соседней комнате накрытый стол с дорогой посудой.

– Это столовая самого маркиза, – сказал дворецкий, снимая шляпу; – если мне понравится ваше представление, я доложу его милости: и он сам пожалует вас посмотреть и послушать.

– Какая честь! – вскричал Гуго, кланяясь почтительно.

У молодежи были в свежей памяти разные фарсы, виденные ими в Оше на ярмарке, и скоро устроился спектакль на славу, в котором они вставляли в готовую рамку всё, что только им на ум приходило. Для медведя и для его хозяина тоже нашлись роли. Развеселившись, один из конюхов налил себе стакан, охотник сделал то же, а за ними и прочие все принялись усердно попивать. Скоро повар с двумя поварятами принес огромные куски холодного мяса и попотчевал комедиантов ими.

– Кушайте сами прежде, – отвечал вежливо Гуго.

Прислуге такая вежливость очень понравилась; она принялась есть, а шутки шли своим порядком. Все кричали и хохотали до упаду. Коклико, набеливший свое красное лицо мукой, старался изо всех сил и вызывал самые громкие аплодисменты расхोлившейся публики, Медведю тоже доставалось их немало.

Ободренный таким успехом и видя, что публика порядочно нагузилась, Коклико крикнул:

– Все это сущие пустяки! а вот, чтобы вы сказали, если бы увидели страшный скачок медведя при дворе китайского императора? Вот это так истинно чудо! славный вышел бы финал!

– Страшный скачок! – закричали со всех сторон. – Давайте страшный скачок!

Коклико раскланялся и провозгласил:

– Хозяин мой, знаменитый и великолепный дон-Гузман Патрицио и Гомез Фуэрас Овидео, от души желает потешить честную компанию; но в этой зале слишком низко!

– Как слишком низко? – крикнул дворецкий, обидевшись.

– Да, ваша милость, так точно, и вот сам китайский император – Коклико указал своим скипетром на медвежьего хозяина, который поклонился – сам китайский император вам скажет, что медведь здесь разобьет себе голову об потолок... У него такая удивительная легкость, что он легко достает, когда скачет, до облаков, а раз как-то чуть не зацепился за рог месяца!.. Страшный скачок надо делать в чистом поле или на дворе... вот тут бы, например, отлично было!

– Во двор! во двор! – крикнули все в один голос.

И все бросились на лестницу и побежали вниз с шумом и смехом, толкая друг друга.

– Не зевай... смотри за Виктором, – шепнул Коклико фигляру, а тот кивнул только в ответ.

Актеры вышли из галереи вслед за прислугой, которая уже рассыпалась по двору; вдруг показался и медведь без намордника; раздались крики и публика кинулась толпой к противоположной стене.

– Теперь смотрите, господа и дамы, начинается! – крикнул фигляр.

Воцарилось мертвое молчание, все головы вытянулись вперед, чтоб лучше видеть, а фигляр взял медведя осторожно за ухо и привязал на веревке к кольцу, вделанному в стене, у самой двери.

Кончив это, он слегка кольнул его в плечо. Виктор встал на задние лапы, зарычал и показал свои острые зубы. Прислуга у стены подалась еще навал.

– Посмотри-ка хорошенько на этих добрых людей, там вот перед тобой, – сказал фигляр; – как только кто-нибудь из них вздумает двинуться с места, – ты, верно, друг Виктор, не прочь покушать: можешь хватать и кушать себе на здоровье.

Виктор зарычал еще злей, а публика задрожала от ужаса.

Тогда фигляр выпрямился во весь рост и, оставляя медведя, важно усевшегося на задних лапах прямо перед дверью, сказал своим товарищам, смотревшим из окон:

– Теперь, господа, можете пировать, сколько хотите; никто не пройдет в эту дверь без позволения Виктора, а он, ручаюсь вам, никому этого позволения не даст.

– За стол! – крикнул Гуго.

Товарищи его тоже не дремали: они успели все очистить в буфете и на кухне. Стол, накрытый для маркиза де Сент-Эллиса, буквально гнулся под множеством наложенных верхом блюд. За них принялись со всех сторон и шум поднялся страшный.

То, чего желал и ожидал Гуго, случилось: маркиз, разбуженный шумом и целый час уже напрасно звавший кого-нибудь, решился наконец сам посмотреть, что это за шум потрясает своды его замка. Догадываясь, что происходит что-то необыкновенное, он наскоро оделся, прицепил шпагу и пошел из своей комнаты в залу, откуда раздавался этот адский гвалт.

Отворив дверь, он остановился на пороге, онемев от удивления и от гнева.

За спиной у него кто-то подкрался, как кошка, и улыбнулся, увидев Гуго. Это был араб, бывший с маркизом в Красной Лисице, тот самый, который один из всех тогда взглянул на Гуго и заговорил с ним дружелюбно. На нем был тот же белый шерстяной бурнус, а в складках пояса блестел широкий кинжал.

Гуго встал и, кланяясь маркизу, сказал:

– Вы обедали в Иль-ан-Нозэ, а мы вот ужинаем в Сен-Сави! – И, сорвав с себя парик и длинную бороду, он прибавил, с полным стаканом в руке:

– За ваше здоровье, маркиз!

Маркиз узнал его и испустил крик бешенства. Он обвел глазами всю комнату, удивляясь, что никого не видно.

– Кадур! – крикнул он, – раствори все двери и звони во все колокола!.. зови Ландри, зови Доминика, зови Бертрана и Жюстина, Гузмана и Ларидена! зови всех этих каналий... и если через пять минут они здесь не соберутся все, я им всем распорю брюхо!

Кадур, продолжавший смотреть на Гуго, не двинулся с места.

– Вы ищите ваших людей, маркиз, – сказал Коклико, кланяясь низко; – не угодно ли вашей милости взглянуть в окошко: вы сами изволите убедиться, что никто не идет к вам на помощь потому только, что не может двинуться с места. И Доминик, и Ландри хотели бы кинуться к вам, так же точно, как и Бертран с Жюстином, да... извольте сами взглянуть, что там такое.

Маркиз бросился к галерее и увидел на дворе с одной стороны медведя, а с другой – всю свою прислугу. Как только кто-нибудь делал шаг вперед, медведь вставал на задние лапы и показывал зубы и когти. Никто не смел двинуться с места.

– Это мне пришла такая славная мысль, – пояснил Коклико. – Глупый зверь один держит на почтительном расстоянии целый гарнизон, – не слишком-то лестно для рода человеческого!

В эту минуту поднялась портгера в конце галереи и показалась дама в великолепном бархатном платье, вышитом золотом; она подошла с надменным видом; все глаза обратились к ней. За ней шла служанка с улыбкой на устах и во взгляде.

У дамы были чудные глаза, чёрные, полные огня; шла она, как настоящая королева. Она обвела всё вокруг спокойным и гордым взором, как будто уверенная, что не может встретить ничего иного, кроме почтения и поклонения. И действительно, этот решительный вид и ослепительная красота её мигом остановили шум и крики; наступило мёртвое молчание.

Дойдя до середины залы, она развернула белой ручкой веер из перьев, привешенный на золотой цепочке, и спросила:

– Что это значит? что это за шум?

– Это – мерзавец, которого я уже раз проучил и теперь еще не так проучу за его неслышанную дерзость! – вскричал маркиз в бешенстве.

Гуго встал, отодвинул стул, на котором сидел за столом, снял шляпу и, подойдя, сказал:

– Маркиз преувеличивает: в первый раз он схватил меня предательски... А теперь, вы сами тотчас увидите, на этот раз он будет наказан.

Дама безмолвно оглядела Гуго и спросила с улыбкой:

– А как вас зовут?

– Вы сейчас узнаете – а вы кто, позвольте спросить?

– Я – принцесса Леонора Мамиани.

– А! вы итальянка; значит, вы еще лучше поймете все, что здесь сейчас произойдет, – и, обращаясь к маркизу, он продолжал так же хладнокровно. – Маркиз, из ваших слов я ясно вижу, что вы не забыли, как варварски вы поступили со мной в гостинице Красной Лисицы – всякому своя очередь!

Маркиз схватился было за рукоятку своей шпаги; по прежде, чем он успел ее вынуть, двадцать рук схватили его и отняли всякую возможность защищаться.

– Кадур! ко мне! – крикнул он в отчаянии.

Но Кадур еще раз покачал молчаливо головой.

В одно мгновение с маркиза сняли верхнее платье и, как он ни бился, привязали его на деревянной скамье, оголив ему спину. Он позеленел от бешенства.

– Год тому назад, я, так же точно как теперь маркиз де Сент-Эллис, был растянут на скамье и связан, – объяснил Гуго принцессе; – как и он, я был бледен; как и он, я звал на помощь! Я просил, я умолял – ничто его не тронуло: ни моя молодость, ни то, что я был совершенно прав! Я тогда еще сказал ему: «Лучше убейте меня! а не то я отмщу вам!» Он мне ответил: «попробуй!» Вот я и попробовал, и мщу теперь за себя!

– Понимаю, – сказала принцесса.

Между тем маркиз отчаянно бился, пытаясь освободиться от веревок; но никакие усилия ему не помогали. Он испустил хриплый крик.

– Вы тогда подали сигнал против меня, маркиз; теперь я подам против вас.

Принцесса подошла к Гуго и сказала:

– Я провела ночь под его крышей; неужели вы не дадите женщине права просить за своего хозяина?

– Все права за вами, без сомненья; но я – обязан выполнить долг... защитить честь опозоренного имени!

– Вот еще эта деревенщина толкует о своем имени! – прохрипел маркиз.

Гуго вынул из-под платья спрятанную шпагу и, подняв руку, сказал:

– Бери свой хлыст, Жаклен!

Жаклен засучил рукава и схватил хлыст.

– Хочешь сто пистолей? – крикнул маркиз.

– Нет!

– Хочешь пятьсот, тысячу, десять тысяч?...

– Ничего! удар за удар. Отсчитай ему ровно двенадцать, Жаклен.

Холодный пот лил с лица маркиза.

– Поднимай руку! – крикнул сын графа Гедеона. – Смотри, Жаклен, я начинаю... готов ты?

– Готов!

– Ну, так бей, да посильней!.. Раз!

Но в ту самую минуту, как хлыст свистнул в воздухе и уж опускался на голые плечи маркиза, Гуго взмахнул шпагой и разрубил хлыст пополам над самыми плечами.

Ропот негодования раздался между молодыми людьми.

– Стой! – крикнул Гуго сильным голосом.

Все замолчали.

– Теперь, развяжите его.

Товарищи Гуго замялись.

– Клялись вы мне, да или нет, слушаться меня во всем? и разве дело до сих пор шло дурно? Повинуйтесь же!

Веревки упали одна за другой. Маркиз вскочил на ноги.

– Шпагу мне! – крикнул он.

– Вам шпагу? а зачем это?

– Чтоб убить тебя!

Гуго холодно поклонился.

– А! так вы согласны драться с такой деревенщиной, как я? И вы правы, маркиз, потому что моя кровь стоит вашей.

И между тем как Коклико, по знаку Гуго, взял шпагу маркиза и подал ему, Гуго продолжал:

– Вы сейчас спрашивали, как меня зовут, принцесса. Не угодно ли вам прочесть эту бумагу, и прочесть громко? Не мешает, чтоб маркиз знал, кто я такой, прежде чем мы скрестим наши шпаги.

Взглянув с любопытством на того, кто так почтительно опять склонялся перед ней, принцесса Леонора посмотрела на бумагу, вынутую молодым человеком из кармана. Лицо её осветилось радостью.

– Ах! я знаю, что судьба создала вас дворянином! – сказала она. Она женщина и не могла ошибиться!

И звонким голосом она прочитала следующее:

*«Вы видите перед собой моего сына, Гуго-Поля де-Монтестрюка, графа де-Шаржполь, в чем подписью моей свидетельствую.
Луиза де-Монтестрюк,
Графиня де Шаржполь».*

– А теперь становитесь, становитесь, же скорей!.. маркиз, у вас ваше имение, а у меня имя...

– Чорт возьми! я хочу еще и твоей крови!

Маркиз стал в позицию, но Гуго остановил его знаком и, обратясь к своим товарищам, сказал им повелительным голосом.

– Бой как следует! и никто не смей тронуться с места хотя бы я упал – ни ты, Коклико, ни ты, Жаклен!

– Хорошо! – сказала принцесса.

Кадур подошел поближе и, скрестив руки под бурнусом, огненным взором смотрел на Гуго.

– А тебя, подлый раб, я сейчас велю запороть до смерти! – крикнул маркиз.

Но Гуго выпрямился:

– Теперь – раздайтесь!

В ту же минуту послышался звон оружия. Обе шпаги встретились и столкнулись. У Гуго была в руке та самая, которой отец его, граф Геденон, убил барона де-Саккаро. На клинке были еще видны пятна крови.

Оба клинка, казалось, дышали страшной жизнью: они искали друг друга, избегали и встречались с отрывистым и звонким ударом.

Маркиз надеялся сначала легко сладить с молодым графом, но скоро понял, что перед ним противник нешуточный, и стал сам гораздо внимательней. Но как ни быстро он действовал шпагой, конец во всякий раз встречал другую, уже отведавшую человеческой крови. Гуго хладнокровно, совершенно владея собой, как было когда-то перед Бриктайлем, щупал своего противника. С быстротой молнии, в одну секунду он обвил клинок маркиза и обезоружил его.

Коклико поднял шпагу и подал ее маркизу.

– Продолжайте, маркиз; это ничего! – сказал Гуго.

Маркиз явственно слышал шепот и подавленный смех зрителей и кинулся с яростью на противника.

– Вы открываетесь, маркиз, берегитесь! – продолжал Гуго.

И в другой раз, обвинив его шпагу с неодолимой силой, он отбросил ее в самый угол залы.

Маркиз бросился за ней, как волк, но Коклико уже опередил его и опять подал ему шпагу, держа, ее рукояткой вперед.

Бой возобновился жестокий, упорный, молчаливый. Глаза маркиза горели, как уголья; зубы были стиснуты за бледными губами. Вдруг, и в третий уже раз, шпага его полетела прочь из рук.

– Bravo! – крикнула принцесса, поддаваясь невольно удивлению при виде изящной ловкости и невозмутимого хладнокровия молодого графа.

В отчаянии, совсем обезумев, маркиз схватил себя обеими руками за голову.

– Ах, убейте меня! – вскричал он. – Да убейте ж меня наконец!

– Хорошо! Теперь будет уже и кровь! – Отвечал Гуго; между тем как Коклико подавал опять с улыбкой шпагу маркизу.

Кадур все смотрел невозмутимо.

Гуго собрался с силами и, не ожидая уже нападения противника, как только скрестились клинки, кинулся как пуля и первым же ударом проколол насквозь руку маркиза.

Маркиз хотел поднять на последний бой повисшую бессильно руку; она упала безжизненно и пальцы выпустили шпагу.

Гуго схватил ее и, вложив сам в ножны, висевшие на поясе маркиза, который смотрел на него, ничего не понимая, сказал ему:

– Маркиз, носите эту шпагу на службе его величеству королю.

Коклико бросился к окну и крикнул фигляру:

– Эй, приятель! прибери-ка медведя, и освободи гарнизон!

Принцесса подошла к Гуго, бледная, взволнованная, и сказала:

– Граф, я считаю себя счастливой, что встретила с вами и надеюсь еще встретиться. Ваше место – вовсе не здесь в глуши, а при дворе... вы пойдёте там хорошо... Принцесса Мамиани вам в этом ручается.

Между тем, страшная борьба происходила в душе маркиза. Гнев еще бушевал в ней, мщение еще кипело. Победен он; и у себя дома, ребенком, у которого едва пробиваются усы! Он то бледнел, то краснел и бросал во все стороны яростные взгляды. Но, с другой стороны, не простой, не обыкновенный же человек и стоял перед ним! Он сам не знал – будь он на его месте, поступил ли бы он так же? А Гуго, казалось, совсем забыл об нем. Вложив шпагу в ножны, он собирал своих товарищей и строил их, чтоб уходить из замка. Наконец, в этой: борьбе добра и зла в душе маркиза добро победило и он сказал, подходя к Гуго:

– Граф де Монтестрюк, у вас сердце дворянина, как и имя дворянина... Обнимемся.

– Вот это благородно!.. – вскричала принцесса, наблюдавшая: все время за маркизом. – Поклянись мне оба, что искренняя дружба будет отныне оказываться друг с другом на веки.

– Ах! за себя клянусь вам! – вскричал маркиз с удивлением. – Эта дружба будет такая же глубокая и такая же вечная, как и мое удивление перед вами, прекрасная принцесса!

Она улыбнулась, краснея, а Гуго и маркиз братски обнялись. Дворецкий, прибежавший наконец с людьми маркиза, и не понимая еще, что случилось тут без него, поднял руки к небу при виде этих неожиданных объятий. Маркиз рассмеялся и вскричал:

– Чёрт возьми! старик Самуил, еще и чего увидишь теперь! Узнай прежде всего, что этот молодой человек, протянувший мне руку, – друг мой, лучший из друзей, и я требую, чтобы он был полным хозяином в Сен-Сави, как он хозяин у себя в Тестере: лошади, экипажи, люди – все здесь принадлежит ему!.. И, клянусь чортом, мне бы очень теперь хотелось, чтоб он пожелал чего-нибудь такого, чем я особенно дорожу, чтоб я мог тотчас же отдать ему и доказать этим, как высоко я ценю его дружбу!

В эту минуту взор его упал на араба, который все еще стоял в стороне, неподвижный и молчаливый. Вдруг лицо маркиза изменилось и он вскричал:

– А! а ты, неверный, изменяешь своему господину! ну, пришла теперь и твоя очередь!.. Плетей, Самуил, плетей!.. пусть четверо схватят этого чернокожего разбойника и забьют его до смерти!..

Самуил с четырьмя слугами уже протянул было руку к арабу, когда Гуго вмешался:

– Вы сейчас сказали, маркиз, что охотно пожертвуете всем, чтоб доказать мне вашу дружбу?

– Сказал и еще раз повторяю... говори... чего ты хочешь?...

Гуго показал пальцем на араба:

– Кто этот человек, которого зовут Кадурум?

– Дикий, проклятый невольник, взятый у африканских корсаров ... Мне подарил его двоюродный брат, кавалер Мальтийского ордена.

– Отдай его мне!

– Бери. Когда Сент-Эллис что-нибудь обещал, он всегда держит слово.

Гуго подошел к Кадуру и, положив ему руку на плечо, сказал:

– Ты свободен.

– Сегодня меньше, чем вчера, – отвечал араб.

И, взяв в свою очередь руку графа де Монтестрюка и положив ее себе на голову, он продолжал цветистым языком Востока:

– Ты обвинил мое сердце цепью крепче железной... я не в силах разорвать ее... От Самого Бога она получила имя – благодарности... Куда ты ни пойдешь, и я пойду, и так буду всегда ходить в тени твоей.

– Когда так, то пойдем же со мной! – отвечал Гуго.

IX

Безумный шаг из любви

Слух об этом приключении распространился в окрестностях и сильно поднял репутацию сына мадам Луизы, как называли там вдову графа де Монтестрюк. Одни удивлялись его ловкости, другие хвалили его храбрость; все отдавали справедливость его великодушию.

– Он так легко мог бы убить дерзкого маркиза, – говорили те, у кого нрав был мстительный.

Победитель маркиза де Сент-Эллиса сделался чуть не героем, а то обстоятельство, что молодой хозяин Тестеры был сыном графа Гедеона, придавало ему еще больше важности. Хорошенькие женщины начинали строить ему глазки.

Встреча с принцессой Мамиани представлялась ему каким-то видением. Её красота, великолепный наряд, величественный вид – напоминали ему принцесс из рыцарских романов, созданных феями на счастье королевских сыновей. Ему снились её светлый образ и бархатное, вышитое золотом платье.

Как счастлив маркиз де Сент-Эллис, что она живет у него в замке Сен-Сави!

Как-то раз утром, несколько дней спустя после своего приключения, гуляя по полям, Гуго увидел на дороге, верхом на отличном коне прекрасную принцессу, которая с такой благосклонной улыбкой говорила ему о дворе и ожидающих его там успехах.

Она сидела гордо на соловом иноходце, затянутая в парчовое платье; на серой шляпе были приколоты красные перья. На устах играла улыбка, лицо румянилось от легкого ветерка, ласкавшего её черные кудри. Гуго перескочил на самый края дороги и стал пристально смотреть. Она его заметила.

Проезжая мимо него шагом, она оторвала перо со шляпы и, бросив его прямо в лицо молодому человеку с кокетливым жестом, сказала:

– До свиданья, граф!

И, дав поводья горячему коню, принцесса Леонора поскакала дальше.

Смущенный Гуго, с красным пером в руке, еще следил за нею глазами, как вдруг на дороге показалось облако пыли и он узнал маркиза, скачущего во весь карьер вслед за принцессой.

– Куда она; туда и я! – крикнул он ему на скаку и исчез в золотой пыли.

«Счастливец маркиз!» – подумал Гуго, прикованный бедностью к месту своего рождения.

Куда это ехала она, прекрасная, молодая, блестящая, свободная принцесса, вдруг показавшаяся как метеор на небе его жизни? В Париж, должно быть, в Компьен, в Фонтенебло, где составлялся двор короля на заре его царствования... Она сказала ему: до свиданья, и каким тоном, с какой увлекательной улыбкой! Целый мир мыслей пробуждался в нем. Там, в самом конце дороги, по которой она поскакала, там – жизнь; а здесь напротив не говорило ли ему все о падении его дома?

Сын графа Гедеона прицепил красное перо к своей шапке и пошел в самую глубь полей. Это кокетливое перо, обладая как будто даром волшебства, поднимало в молодой голове его целую бурю мыслей, проносивших мимо него видения празднеств, замков, сражений, балконов, кавалькад, и повсюду горели как уголья зеленые глаза принцессы. При свете этих глаз, он вглядывался в таинственную даль, полную чудес и очарования. Своим жестом, своим призывом не указывала ли она ему пути туда?

Гуго вернулся задумчивый в Тестеру, где графиня прижала его к сердцу в самый день победы над маркизом. Удивляясь его молчанью, тогда как все вокруг рассыпались в похвалах ему, она спросила старого Агриппу, которого не раз заставляла в длинных разговорах с воспи-

танником. Он владел его полным доверием, – значит, должен был знать, что с ним происходит. Верный оруженосец улыбнулся.

– Это молодость машет крылом, – сказал он.

– Как! – вскричала графиня, вздрогнув, – ты полагаешь, что Гуго уже думает меня покинуть?

– Графу уж двадцать лет... а у орлят рано растут перья. Графу Гедеоно было именно столько же, когда он уехал из дому на добром боевом коне. Притом же ваш сын встретился с прекрасной, как день, принцессой, и глаза его смотрят теперь гораздо дальше.

– Да, да, – прошептала графиня со вздохом, – та же самая кровь, которая жгла сердце отца, кипит и в жилах сына!.. Да будет воля Господня! – И гордо подняв, голову, удерживая слезы, она продолжала: – Чтобы ни случилось, совесть ни в чем не будет упрекать меня: из ребенка, оставленного мне графом Гедеоном, я сделала человека... мой долг исполнен.

Немного спустя, раз как-то Гуго, бодро приближавшийся к совершеннолетию, встретил под горой, на которой построен город Ош, красивую девушку; она придерживала обеими руками полы длинного плаща, в который был закутан её тонкий стан, и смотрела испуганными глазами на лужи грязной воды и на глубокие рытвины дороги, по которой ей нужно было идти: ночью прошёл сильный дождь и превратил эту дорогу в настоящее болото. Хорошенькая девушка сердилась и стучала щегольски обутой ножкой по камню, на котором она держалась как птичка.

Привлеченный её красивым личиком, Гуго подошел к ней и, желая помочь, спросил:

– Что это с вами? вы, кажется, в большом затруднении?

Девушка обратила на него блестящие и веселые карие глаза и, сделав гримасу, как дитя, которому не дают конфетки, отвечала:

– Да, и есть отчего!.. Меня ждут в той стороне, там будут танцевать... Я нарядилась в новенькое платье, а тут такая дрянная дорога... ямы, да грязь на каждом шагу! Ну, как же мне пройти?... Не знаешь, куда и ногу поставить. Просто, хоть плачь!

– Ну плакать тут еще нечего... вот сами увидите.

И прежде, чем хорошенькая девушка догадалась, что он хочет сделать, Гуго подхватил ее на руки и медленно зашагал через лужи.

– Но послушайте, что же это вы делаете? – вскричала она, стараясь освободиться, – с которых это пор носят людей таким образом?

Гуго забавлялся шуткой, остановился посреди дороги и весело, взглянув на хорошенькое личико, красневшее рядом с его лицом, спросил:

– Прикажете опустить вас здесь?

– Как можно! подумайте сами!

– Значит, вы сами видите, что вам надо тихонько оставаться у меня на руках и довериться моему усердию.

– Тихонько! тихонько! вы думаете, может быть, что мне так удобно? – продолжала она, оправляя руками складки своего измятого плаща. – Хоть бы уж вы не теряли по-пустому времени на разговоры.

– А вы хотите, чтоб я шел поскорей? Извольте. Но если мы упадем, то вы будете сами виноваты.

Он нарочно споткнулся, она слабо вскрикнула и уже больше не двигалась.

– Вот вы стали умницей... и я тоже стану осторожней. Ведь я хлопочу для вас же, чтобы не вышло беды с этими вот хорошенькими ножками.

Гуго прижал к себе немножко сильней незнакомку и лукаво доставил себе удовольствие пройти через дорогу, не слишком спеша. Перейдя на другую сторону, он осторожно опустил девушку на сухое место, где уже был мелкий песок. – Вот и все, сказал он, кланяясь.

Хорошенькая девочка была совсем красная и невольно рассмеялась.

– Однако, вы – порядочный оригинал!.. Схватили меня попросту, даже и не зная, кто я такая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.